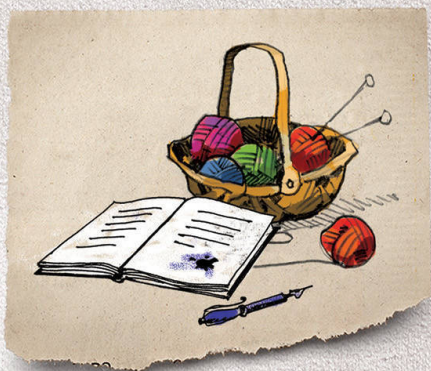

Мария
Метлицкая

Дневник
сварови

Мария Метлицкая
Дневник свекрови
Серия «Женские судьбы. Уютная
проза Марии Метлицкой»
Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4578503
Метлицкая М. Дневник свекрови : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60480-7

Аннотация

Ваш сын, которого вы, кажется, только вчера привезли из роддома и совсем недавно отвели в первый класс, сильно изменился? Строчит эсэмэски, часами висит на телефоне, отвечает невпопад? Диагноз ясен. Вспомните анекдот: мать двадцать лет делает из сына человека, а его девушка способна за двадцать минут сделать из него идиота. Да-да, не за горами тот час, когда вы станете не просто женщиной и даже не просто женой и матерью, а – свекровью. И вам непременно надо прочитать эту книгу, потому что это отличная психотерапия и для тех, кто сделался свекровью недавно, и для тех, кто давно несет это бремя, и для тех, кто с ужасом ожидает перемен в своей жизни.

А может, вы та самая девушка, которая стала причиной превращения надежды семьи во влюбленного недотепу? Тогда эта книга и для вас – ведь каждая свекровь когда-то была невесткой. А каждая невестка – внимание! – когда-нибудь может стать свекровью.

Мария Метлицкая

Дневник свекрови

Я человек доброжелательный, придираюсь по пустякам точно ни к кому не буду. Правда, подлости и предательства не прощу – здесь я тверда как скала.

Подруги у меня с детства и на всю жизнь, а приятелей – вообще море. С людьми схожусь быстро и легко. Правда, потребности в новых знакомствах с годами все меньше и меньше. Что поделаешь, наверное, душевная усталость. Такое тоже бывает. Все больше хочется побыть наедине с собой. Помолчать. Почитать книжку, подумать о вечном.

У меня своя спальня, личное пространство я заслужила. Как я хочу покоя и отдыха! Но... покой, как известно... Я предупреждаю домашних, плотно закрываю дверь в свою комнату – и меня дома нет. А еще на ручку двери вешаю табличку, вынесенную из заморского отеля, «Просьба не беспокоить».

Но если честно, мои на табличку плюют. Каждые десять минут дверь в комнату открывается. Когда резко – это сын. Плавнее – муж. Он, видимо, лучше воспитан. Сын считает, что доступ ко мне для него открыт всегда. Что поделаешь, сама виновата – так приучила. И это правда – его я готова принять и выслушать всегда. Невзирая на головную боль, интересную книгу, телефонный разговор с подругой или нежно

накрывающий меня теплой волной подступающий сон.

Сын просто уверен, что он – главный человек в моей жизни. И здесь он прав. Сама это ему всегда внушала.

Раньше гостей я любила. Дом наш, несмотря на тотальный дефицит всего и вся, был радушным и хлебосольным. Из «ничего» я накрывала обильные столы. Не гнушалась самым трудоемким – холодцами, пирогами, заливным. К чаю пекла «Наполеон». В двенадцать слоев. Мама дорогая! Вспомнить страшно. Неужели я все *это* делала?

Сейчас многое изменилось. Стоять по двое суток у «мартена» нет ни желания, ни сил. По-моему, в гости вообще люди ходить перестали. Проще встретиться в кафе. Деньги – те же. Зато удовольствие и свобода.

Но сегодня – не тот случай. Сегодня я должна, просто обязана, принять гостей дома. И стоять у плиты. И накрывать на стол. И общаться – даже если мне совсем неохота.

Потому что сегодня у меня необычные гости. Вернее, гости-то обычные (даже думаю, что чересчур). А вот ситуация отнюдь не рядовая.

Дело в том, что мой горячо обожаемый и единственный сын Данила собрался жениться.

В двадцать три года. Дурачок, конечно, но что поделаешь? Любовь, что называется, до гроба. Жить друг без друга не могут. Дышать не могут. Всю ночь слышу перестук эсэмэсок. Под перестук и засыпаю. К пяти утра.

У Данилы к двадцати трем годам уже довольно богатая и

бурная личная жизнь – просто рано начал. Он горячо убеждает меня (и себя в том числе), что Нюся – его пара. По всем параметрам. По всем – это, конечно, очень важно. Потом, если честно, мне надоело не спать по ночам. Ждать его с гулянок. Так что в его ранней женитьбе есть, наверное, что-то положительное и для меня. Может, угомонится, с надеждой думаю я.

Да и к любви я отношусь с большим почтением. Не всем дано, между прочим.

Итак, они решили пожениться. Я предлагала горячо и, как мне кажется, убедительно, гражданский брак. Почему не попробовать для начала без материальных, так сказать, затрат?

Нюся на меня смертельно обиделась. Можно подумать, я ее оскорбила! В общем, моих вполне разумных доводов она не приняла. Дулась недели две. Отказывалась от ужина. У двери сухо прощалась. Я – и так и сяк. Честно говоря, испугалась. Портить отношения с невесткой на этой стадии рановато. Еще успею. Сын говорит, что Нюся – человек ранимый и чувствительный. Правда, мне так не кажется. Но это был первый урок, преподанный мне. Я его усвоила. Я, в общем-то, из понятливых. Поняла, что приспособливаться буду я к невестке, а не она ко мне. Это дело, безусловно, усложняет. Но – как есть, так есть. Ради сына я и не на такое способна.

Свадьба так свадьба. Расходы, в конце концов, потянем и переживем. Ну, не поедем в этом году на море. На мое

обожаемое море... Встречу с которым я жду весь холодный и тяжелый год. Которое дает мне силы как-то проползти год следующий.

Ладно, хватит капризничать. Хотя что может быть нелепей свадьбы в ресторане? Со всеми ее обязательными атрибутами. Непременно дурацкими и крайне затратными. А Нюсе, я поняла, именно все это и нужно. Белые скатерти с голубыми бантами. Придурок ведущий, трындящий, как попугай, заученными фразами. Платье в пол. Фата. Букет невесты. Белые голуби и черный лимузин.

Всем девочкам хочется этого? Неправда, не всем. Мне, например, никогда не хотелось. Я всегда считала, что это глупо и пошло. В мое время еще прикрепляли пупса на капот машины новобрачных. Сейчас не лучше – машину украшают как катафалк – искусственными цветами.

Данька, кстати, тоже всегда над этим посмеивался. Говорил, что у него *так* никогда не будет. Будет тихий семейный ужин в приличном, но не пафосном ресторане и свадебное путешествие в Венецию, например.

Но ночная кукушка, как известно, дневную перекукует. Я – дневная. На мое мнение все забили. Но что я поняла точно – Данька действительно влюблен. Как бы иначе он согласился на весь этот очевидный бред и пошлую белиберду?

И вот сегодня настал час «икс». К нам едут Нюсины родители. Для знакомства и обсуждения текущих и предстоящих вопросов и расходов. Знакомство с Факерами, одним

словом.

Я вяло предложила встретиться в ресторане. Данька развопился и сказал, что мы обязаны сватов принять. Хорошо у этой Нюси получается компостировать моему сыну мозги. Снимаю шляпу. И кстати вспоминаю анекдот: «Мать двадцать лет делает из сына человека, а его девушка способна за двадцать минут сделать из него идиота».

Маленькая такая, худенькая. В чем только душа держится...

И вот, пожалуйста.

Муж, к слову, Даньку поддержал. Предатель. Правда, в чем дело, я знаю – муж ненавидит рестораны. А дома у него всегда есть прекрасная возможность свалить. Под уважительным предлогом, конечно. Дескать, к завтраму надо сдать статью. И шмыг к себе. А я мучайся до конца и по полной программе. Разве это честно? Справедливо разве? Что подедаешь, у нас всегда и за все отдуваются тетки. В смысле – женщины. В смысле – слабый пол. Вот это я с иронией. С горькой, кстати. По поводу «слабого пола».

Со вчерашнего дня я стою у плиты. Сын предварительно очень придирчиво обсуждал меню. Как будто он женится на датской принцессе и мы принимаем королевскую чету.

А фамилия у наших свеженьких родственников, между прочим, Ивасюки. Красивая фамилия. А главное – аристократическая. У меня почему-то возникают ассоциации с селдкой иваси – той, что из советского прошлого.

Я, конечно, не права. При чем тут фамилия? Я в девичестве Петракова. А в замужестве – Сергеева. Тоже не Нарышкины и не Понятовские. Но все же смешно – Ивасюки. Мой крайне остроумный муж предложил взять Даниле фамилию жены. Сын обиделся. Обычно он ржет вместе с нами. Мы сделали вывод, что ситуация тяжелая. И тяжело вздохнули – одновременно.

Данька накрывает на стол. Смотрит на просвет бокалы и рюмки.

– О-хо-хо, – вздыхаю я и задумчиво удаляюсь на кухню.

– Холодец застыл? – кричит из комнаты сын. – А заливное?

Я из вредности не отвечаю. Режу соленую семгу.

– Мам, ну оковалки просто! – возмущается он. – Режь элегантней! – приказывает мой мальчик.

– Пошел к черту! – огрызаюсь я. И угрожаю: – Лучше меня не заводи!

Угроза действует, и он, слава богу, смывается.

Слышу гул пылесоса.

Сынок взялся за пылесос?!

«Плохи наши дела», – думаю я.

Все гораздо серьезней, чем мы предполагали.

Ивасюки появляются минута в минуту. Ясное дело: глава семьи – подполковник. Я не успеваю докрасить второй глаз и снять передник. Данька бросает на меня испепеляющий взгляд. Выходит муж. Жмет руки и улыбается. Я точно знаю,

о чем он мечтает. Чтобы вся эта канитель закончилась побыстрее. Я злобно на него смотрю и усмехаюсь, побыстрее получится вряд ли. Это я чувствую.

Муж предлагает гостям тапки. Новые, между прочим. Подполковник надевает свои. Жена вытаскивает их из пакета.

– Гигиеничней! – объясняет нам, бестолковым и плохо воспитанным.

Я злюсь, но, по сути, он прав. Ивасючка вытаскивает лаковые туфли. Крутится перед зеркалом. Орошает себя духами. Духи резкие, тяжелые. Меня начинает подташнивать. Нюся с Данькой скрываются в его комнате. Гости проходят в гостиную, она же – столовая. Оглядывают комнату.

– Зал у вас большой! – одобрительно кивает Ивасючка.

Кстати, представилась она как Зоя Ивановна. Я ответила: – Лена.

– А по отчеству? – поинтересовалась она.

– Просто Лена, – жестко повторила я.

Ивасюк оказался Валерием Петровичем. Мой муж, кандидат исторических наук, профессор и заведующий кафедрой, – просто Павел.

– Ну, я так не могу, – расстроилась Зоя Ивановна. – Мы же еще совсем не близко знакомы!

«Хотелось бы не ближе», – подумала я. Недобрая я. Не снисходительная. Нетерпимая. Все, что написала про себя выше, обман. Что плохого сделали мне эти люди? Да, не на-

шего поля ягода – это очевидно. Простоваты и провинциальны. А что, они виноваты? Всю жизнь – по гарнизонам. В Москве всего шесть лет. А напыщенные, так это от смущения. И что я привязалась к этим тапкам? Вместе с тапками, между прочим, Ивасючка принесла собственноручно испеченный сметанный торт. Говорит – «Дон Кихот». Шутит, наверное. Или серьезно? Возможно, Дон Кихот и Санчо Панса для нее слились воедино. В один, так сказать, образ. Да и ерунда все это, ей-богу!

Кстати, эта Ивасючка довольно хорошенькая. Если бы не травленные соломенные волосы, собранные в «башню», заколотую тряпичным фиолетовым георгином, и очень перламутровая помада. И еще – сиреневые тени на веках. Ну что я к ней привязалась? Тоже мне, столичная цаца. У всех свои представления о прекрасном. Да, но этот костюм с обильным люрексом...

Сели на диван. Муж пытается завести светскую беседу. Я выскальзываю на кухню перекурить. Представляю, что скажут на свадьбе мои подруги. Змеи-интеллектуалки. Остроязычные и ироничные московские фифы.

Зоя Ивановна стучит в кухонный косяк.

– Тук-тук, к вам можно?

Видит меня с сигаретой. Глаза полны ужаса.

– Курите? – не верит она своим глазам.

Я вздыхаю и пожимаю плечами – дескать, грешна. Уж не судите строго. Будьте милосердны, наимилейшая Зоя Ива-

новна.

Она хихикает.

– Я тоже балуюсь. Иногда, – доверительно шепчет она. – Муж, разумеется, не в курсе. У нас полнейший патриархат и домострой, – тяжело вздыхает подполковница. – А у вас? – интересуется она.

Заметно, что этот вопрос ее сильно волнует.

Я пожимаю плечами:

– Нет, у нас партнерский брак. Все на паритетных началах.

– А-а, – разочарованно тянет она.

По-моему, я ее огорчила. Мы выносим тарелки с закуской в комнату. Я предлагаю сесть за стол, видя, что светская беседа у мужа не клеится.

Муж явно растерян, а подполковник вперился в телевизор. Там предвыборные дебаты. У подполковника набухли брыли. Сейчас что-то будет, с ужасом думаю я, понимая, что наши политические воззрения вряд ли совпадут.

Рассаживаемся за стол и зовем детей. Те выходят не сразу – довольно всклоченные и смущенные. Вижу, как подполковник смотрит на Даньку. Взгляд не обещает ничего хорошего.

Нюся похожа на отца. Выпуклые карие глаза, крупные зубы. Мелкая и тощая, скорее всего, в мать. Правда, сейчас Зоя Ивановна тело нагуляла. Видимо, с возрастом. Что, безусловно, меня радует.

Муж осведомляется, что будут пить гости.

– Бельенькую, – бросает подполковник.

– Винца, – смущается его жена.

Он чуть сдвигает густые брови.

У мужа хватает ума не предлагать алкоголь Нюсе. Не слишком сообразительный в подобных вопросах, он, видимо, нутром чувствует, что может вызвать гнев будущего родственника.

Когда Нюся у нас в гостях, она с удовольствием пьет пиво и красное вино. И не отказывается от мартини.

Я начинаю раскладывать по тарелкам закуску.

– Огурчики ваши? – с полным ртом осведомляется подполковник.

– Не-а, – окончательно роняю свой авторитет я. – Соседка угостила.

– А моя все сама, – гордо объявляет он. – По триста баллонов закрывает. Помидоры, огурцы, грибы, варенье, компоты.

Я с уважением и жалостью смотрю на бедную Ивасючку.

Она рдеет под, видимо, не частой мужниной похвалой.

Балагур и острослов Данька молчит, как в воду опущенный.

Нюся тоже помалкивает. Добрейшая Зоя Ивановна нахваливает плоды моего труда. Подполковник важно кивает, соглашается. «Не мои» огурцы он, кажется, с трудом, но пережил. Восстановили мою репутацию холодец и пирог с капустой.

Видно, что подполковник не дурак поест и выпить. Начи-

нает потихоньку «плыть». Перехватываю тревожный взгляд его супруги.

– К делу! – объявляет Ивасюк и откидывается на стуле.

Мы подтягиваемся и выпрямляем спины.

– Свадьба в ресторане, – заявляет он тоном, не терпящим возражений.

Мы с мужем переглядываемся. Данька смотрит в тарелку.

– В Москве – дорого, – объясняет нам подполковник. – У моего друга, начальника части, жена – директор ресторана. В Новомосковске. Сделают все, как положено. Не обманут.

– А как гостей расселять? – Я, мягко говоря, обескуражена. – Ну, туда еще доедут. А обратно? Снимать гостиницу?

– Автобус, – поясняет Ивасюк. – Автобус от воинской части. Всех отвезут в Москву. До метро. А там все сами. Доберутся.

Я представляю своих друзей. Ресторан в Новомосковске. Лангет, оливье, селедка «под шубой». Старый «пазик» с рваными сиденьями. Нет. Нет! Не будет такого! Что, Ивасюк будет распоряжаться моей жизнью? И жизнью моего горячо обожаемого и единственного сына? Комфортом моих друзей и родственников?

– Нет! – почти выкрикиваю я. – Нам это не подходит!

У подполковника брови медленно ползут вверх, а Зоя Ивановна вжимает голову в плечи.

Данька и муж с испугом смотрят на меня.

– Значит, так, – жестко говорю я. – Свадьба будет в

Москве. В приличном и недорогом ресторане. Сейчас таких навалом. Не на окраине. Чтобы всем было удобно добираться. Я люблю и уважаю своих близких. И себя, кстати, тоже.

Ни в какой Зажопинск мы не поедem.

– Решать надо коллегиально, – тихо вставляет мой мягкий и либеральный муж.

Подполковник растерян. Пожимает плечом. К отпору он, видимо, не привык. Придется привычки менять.

– Ну-у, – тянет он, – можно рассмотреть.

Зоя Ивановна с явным облегчением вздыхает. Я понимаю, что победила.

Данька приносит прайсы ресторанов и кафе. Долго спорим и обсуждаем меню. Подполковник поглядывает на меня с опаской и, по-моему, с уважением.

Обсуждаем десерт.

– А что такое тирамису? – осторожно спрашивает Зоя Ивановна.

Нюся кривит губки. Стесняется. Ей хорошо известно, что такое тирамису. Благодаря моему сыну, кстати.

Я терпеливо объясняю подполковнице все про итальянские десерты.

Она расстраивается и предлагает испечь три торта.

– Пожалуйста, – великодушно разрешаю я.

Дальше считаем число гостей с обеих сторон. Получается почти поровну. Ивасюк предлагает расходы нести пополам. Что заморачиваться, у кого сколько человек? Благородно. Не

жлоб. Мое отношение к нему немного меняется. По крайней мере он способен к диалогу. Значит, не безнадежен. Обсуждаем Нюсино платье. Папаша невесты настаивает на фате. Матушка мечтает о платье в пол, пышном и белом, со стразами, кружевом и рюшами. Нюся капризничает и заявляет, что платье будет узкое, кремовое и «без всяких там цацек».

Я поддерживаю Нюсю и киваю.

Зоя Ивановна расстраивается до слез – кремовое? Узкое? Без фаты?

В общем, лишили человека светлой и заветной мечты.

Но Зоя Ивановна смиряется. Она, видимо, привыкла со всем мириться. Хорошая будет теща, думаю я. Не вредная. С тестем хуже. Он всем недоволен и опять накатывает белянскую. Горе заливают. Потом начинается рассказ про долгую и трудную службу. С ужасом узнаем, что он был вертухаем в лагере. Охранял политзаключенных. С гордостью говорит, что, будучи мальчишкой, видел самого Солженицына. Не просто видел – конвоировал.

Мы в шоке молчим. Я вспоминаю мамин рассказ, как ее родители принесли в дом «Архипелаг». Ей, девчонке, дали его прочитать. Потом искали место хранения. Она предложила своего плюшевого медведя Степаныча с кармашком и «молнией» на брюхе. Так и прожил «Гулаг» до самой перестройки в изрядно потрепанном и потертом Степаныче.

Потом подполковника потянуло на политику. Вот этого я боялась больше всего. Понимала, что наши взгляды разой-

дутся наверняка. Улыбаться, кивать и соглашаться в этих вопросах я точно не умею. У меня жесткая гражданская позиция. «Вот сейчас начнется», – подумала я. И никакой свадьбы не будет. А может, это и к лучшему? И родственников Ивасюков тоже не будет. Какие родственники? Скорее идеологические враги. Куда может занести подполковника, я, в принципе, довольно отчетливо представляю.

Оказалось, что Ивасюк не одобряет всех. Без исключения. И правых, и левых. Уже легче. Не такой уж он долдон. А я думала, что начнутся сопли по сталинским временам. Брежневские я бы еще пережила. Но сталинские – нет. Сталин – тиран и истребитель собственного народа. Главное, военной элиты. Молодец, Ивасюк! Пятерка! Брежнев – ничего плохого, в смысле – хорошего больше, чем плохого. Я не спорю. Доля истины в этом есть. Ну, не доля, а долька. Крошечная совсем.

Я почти расслабилась. Оказалось, зря. Начались наезды на Гайдара. Я мягко вступила в спор. По-моему, была достаточно убедительна. К концу моего жаркого спича Ивасюк сказал:

– Ну, не знаю, не знаю...

Про Чубайса я разговор не поддержала, побоялась, честно говоря.

Уже победа! Какой-то он неустойчивый, этот подполковник. Быстро соглашается. Или это я – убедительный и замечательный оратор?

Муж делает «большие глаза» и неодобрительно качает головой. Осуждает. Меня, разумеется. Да нет, он прав – собрались мы не для этого. Вечно меня тянет не туда! Ну, какая мне разница, за кого голосовали Ивасюки? Это их личное дело. Их, не мое.

Нам бы хорошо совпасть по другим вопросам – дети, внуки.

Муж потребовал чаю. Я со вздохом пошла на кухню. Зоя Ивановна взялась помогать. «Нормальная тетка», – подумала я. Нюся задницу от стула не отодрала. Данька нежно держал ее за руку.

За чаем подняли вопрос о проживании молодых. Я сказала, что удобнее жить у нас. И квартира больше, и институт рядом. Ивасюки вздохнули и согласились. Не отдавать же моего ребенка в казарму! Нюся, правда, немного скривила ротик.

Ивасюк с удовольствием выпил на дорожку лимонного ликера. Когда его супруга протянула свою рюмку, он грозно сверкнул очами, и Зоя Ивановна плавно опустилась на стул.

У двери прощались долго. Ивасюк покачивался и грозил мне пальцем:

– Все-таки Гайдар – нет!

Я пожала плечами.

– Вот здесь ты, мать, не права! – икнув, добавил Ивасюк. Вот мы и перешли на «ты».

Зоя Ивановна жала руку моему мужу и Даньке. Потяну-

лась ко мне – чмок в щеку. Я ее приобняла.

– В следующую субботу – у нас! – твердо заявил подполковник и опять почему-то погрозил мне пальцем.

Нюся с Данькой не могли разлепиться.

«Нет, все-таки любовь», – подумала я.

Значит, придется в следующую субботу...

Я вздохнула и отправилась мыть посуду. Сын пошел провожать гостей до такси.

Муж присел на кухонную табуретку и жалобно спросил:

– А можно как-нибудь избежать следующей субботы? Я этого не выдержу!

– Нет! – рявкнула я. – Выдержишь. Никуда не денешься. Ради единственного сына.

Муж тяжело вздохнул и поплелся в столовую за оставшейся грязной посудой.

Вернулся Данька. С замутненным взглядом.

«Не в себе, – подумала я. – Ребенок точно не в себе».

– Доволен? – довольно желчно поинтересовалась я.

Он кивнул.

– А спасибо где?

– Спасибо, мам! – сказал он как-то устало. У двери обернулся. – Хотя можно было обойтись без Гайдаров и Чубайсов, – язвительно и недовольно добавил он.

– Без Чубайсов обошлась. Скажи спасибо.

Он махнул рукой и пошел к себе.

Я наконец закончила уборку и присела на стул. Взяла си-

гарету и телефонную трубку. Знаю, что мама нервничает и ждет моего звонка.

Трубку она взяла после первого гудка.

– Ну?

– Могло быть и хуже, – вяло откликнулась я.

– Понятно, – вздохнула мама. – А подробности?

– Завтра, мамуль. Устала ужасно.

– Понятно, – повторила мама. – Я другого и не ожидала, – сказала она и повесила трубку. Обиделась.

Я включаю повторный набор.

– Не сердись, – прошу я.

– Вот странно, – кипятится мама, – а то ты не знаешь, что я весь вечер жду твоего звонка! Можно подумать, ты мне не дочь, а Данька не внук!

И я приступаю к подробностям. На сорок пять минут. Но маме кажется, что я что-то упускаю. Или опускаю. И она моим отчетом довольна не очень. Закончили. Я ползу в спальню. Залезаю под одеяло и блаженно вытягиваю ноги. Как я устала! И физически, и морально. Морально даже, наверное, больше.

Заходит муж.

– Может, обойдется? – жалобно спрашивает он.

– Не поняла вопроса, – вредничаю я. – Что именно?

– Все, – тоскливо вздыхает он. – Или хотя бы что-то.

– Вряд ли, – припечатываю я и отворачиваюсь к стенке.

А я-то надеялась, что в моем возрасте я уже имею право

не приспособливаться к чужим людям!

Ошибалась!

И я уговариваю себя заснуть.

* * *

Всю неделю я думаю о предстоящем ответном визите. На душе такая тоска! Делюсь с подругой Танюшкой. Она успокаивает, что все *это* надо пережить. И все *это* – не самое страшное в жизни.

Я и сама это понимаю. Но почему мне так не хочется тащиться в субботу в Братеево? Ведь неплохие люди! Наверняка хлебосольные. Искренние. Все от чистого сердца!

Муж молчит и вздыхает, как больная корова. Сынок тоже не весел.

Ладно! Я пытаюсь себя убедить, что все это – временное явление. После свадьбы мы вряд ли будем плотно общаться. Живем друг от друга далеко. С мая по ноябрь они на даче. Парники, грибы и триста баллонов консервов. К ним на дачу мы не поедem – сто двадцать верст и сортир на улице. У нас своя дача – полчаса от Москвы, сосновый лес и никаких грядок. И вообще, в сентябре мы уезжаем на море. А Новый год часто встречаем у друзей в Лиепae – у Ольги и Игоря там квартира. Ребята всегда нам рады. А дни рождения мы отмечать не любим, так у нас заведено. «А у них?» – пугаюсь я.

А если внуки? Общие, между прочим...

В субботу тащимся в Братеево. По дороге молчим. Настроение – хуже некуда. Какие мы все-таки непростые. С вывертами! Все – проблема. Все – не так. Все – с напрягом.

А вот Ивасюки нам искренне рады! Пахнет пирогами – вкусно пахнет! Зоя Ивановна проводит экскурсию по квартире. Гордится коврами на стенах и хрусталем в стенке. В общем, всем гордится. Сетует, что плохо возшло тесто. Нервничает и теребит бретельку фартука.

Нет, все-таки противные мы, москвичи! Снобы и задавалы! Чем гордимся? Что родились в столице? Что нам были доступны музеи и театры? А что видела она? Сопки и гарнизоны. Перебои с продуктами и невозможность достать детские колготки и польский шампунь. Самодеятельный ансамбль «Ромашка» и кружок макраме. И в этом она виновата? Простая девчонка из уральского городка. Кто ей объяснял, что ковры на стенах пошло и негигиенично? Что советский штампованный хрусталь – безвкусный привет из прошлого? Что, она виновата, что ее мама – сортировщица на заводе, а папа – крановщик?

Мне становится стыдно, и я хвалю ее ковры и посуду. Рассматриваю фотографии на стене. Зоя – тоненькая девочка с толстой русой косой. Красавица! Ивасюк – стройный, поджарый с густым, кудрявым чубом. Тоже симпатяга. А его служивая доля? Солдат служит там, где ему прикажет Родина. Стыдно, Лена!

Нас приглашают за стол. Все очень обильно и очень вкус-

но – и своя картошечка – белая и рассыпчатая. И свои соленые помидоры. И крепкие грузди с налипшим укропом. И пироги! С черемухой, между прочим! Такое мы едим в первый раз. Потрясающе вкусно!

Зоя жалуется, что не может привыкнуть к Москве. Шумно, грязно и все недобрые. Чужие какие-то. С тоской вспоминает свою жизнь в военном городке. Хозяин сдержан. Пьет немного. Видно, что женой доволен. Потом Зоя предлагает попеть. Мы растерянно переглядываемся. Она тоненько и чисто заводит: «Там, где клен шумит над речной волной...»

Эту песню я знаю. Подпеваю. Включается Ивасюк. У него приятный баритон. Поют они отлаженно и складно. Видно, что любят это дело. Становится светлее на душе. Потом пьем чай. Никаких разговоров о политике и о свадьбе. С собой Зоя заворачивает нам пироги, дает банку вишневого варенья и соленых грибов. Ивасюк идет в гараж, где устроен погреб, и набирает нам мешок картошки. Мы шумно и активно отказываемся, но все бесполезно. Нас провожают на улице. Мы обнимаемся с Зоей. Они машут нам вслед.

– Хорошие люди! – говорю я.

– Простые. Без второго дна, – откликается муж. – А может, и хорошо, что люди простые, без прикрас?

Я на этот вопрос не отвечаю. Почему, не знаю сама. Не знаю, хорошо или нет. Все-таки мы очень разные. Не плохие, не хорошие – разные. Ведь не зря раньше «брали» невесту из своего круга, своей песочницы. Ей-богу, не знаю. На душе

опять тревога. Нюся не такая, как ее родители. Немного их стесняется. А это плохо. Что-то из себя строит, капризничает. Такая жена, как Зоя, из нее точно не получится.

Данька улыбается и смотрит в окно. Сегодня он нами доволен.

Вовсю готовимся к свадьбе. Выбрали ресторан – качественный и с вполне приемлемыми ценами. По ресторанам шастаем с моей подружкой Лалой. Лала соображает в таких делах – будь здоров! Ее, в отличие от меня, точно не надуют. В каждом ресторане она пробует закуску и горячее. Только пробует. Доедаю я. Лала следит за фигурой. Хотя весит пятьдесят килограммов. Данька говорит, что это вес барана. Лала тоненькая, как струна, с прямой спинкой и походкой носочками врозь. Когда-то она занималась балетом. У нее густые и длинные, выющиеся мелким бесом волосы. Конечно, она не похожа на барана, но от милой овечки что-то в ней определенно есть. Лала моя ровесница, а выглядит лет на пятнадцать моложе. У нее нет мужа, но есть любовник. Младше Лалки на двенадцать лет. Он ее обожает и мечтает на ней жениться. Лалка не хочет. Говорит, что привыкла к свободе. К тому же женщина она не бедная, у нее два обувных магазинчика. Это сейчас. А начинала она в Луже, прилавок на улице. И торговала тогда сама – и в дождь, и в мороз.

Лалка за рулем. Мы объехали пол-Москвы. Наконец она довольна. Обсуждает с управляющим, как украсить зал. Я устала и плохо соображаю. Пью пятую чашку кофе за день.

Сердце бухает, словно литой колокол.

В машине говорю Лалке спасибо. Без нее я бы пропала. Без конца названивает Лалкин хахаль и гундосит, что соскучился.

Лалка вздыхает, смотрит на часы и говорит ему, что дома будет через два часа.

– Неужели у тебя есть силы? – удивляюсь я, мечтая о валокордине, чашке горячего чая и подушке с одеялом.

Лалка пожимает плечами. Говорит, что сейчас встанет под ледяной душ, выпьет морковного соку и будет готова к дальнейшим подвигам.

Я вздыхаю и думаю, что молодой любовник – точно, подвиг. Здесь бы сына женить и не рухнуть!

Лалка довозит меня до дома, резко газует и тю-тю!

Я, еле волоча ноги, шаркаю до лифта. Надеваю ночнушку и залезаю в кровать. Зову мужа, чтобы поделиться впечатлениями. Он сидит у себя, естественно, за компьютером. Нехотя отрывается и заходит ко мне. Слушает вполуха. Ему не терпится свалить. Я обижаюсь и упрекаю его в том, что его не волнуют семейные дела.

Он тоже обижается, машет рукой и уходит к себе.

Вечером я рассказываю о своих успехах жениху. И он отсутствует – весь в своих мыслях. Я опять обижаюсь и говорю, что все это, по-моему, больше всех нужно мне.

Данька отвечает, что ему это тоже как-то не очень нужно, а нужно это в основном Ивасюкам и Нюсе. Значит, я быю

ноги и стараюсь угодить семейке подполковника. Мило.

А мне это, кстати, и вовсе не нужно. Я еще раз думаю с тоской, что в этом году не увижу море. Грустно.

В воскресенье едем за платьем и туфлями для Нюси. Я, Данька, Ивасючка и, собственно, сама невеста. Едем на Лалкиной машине. Подруга меня не бросает.

В салоне Зоя кидается к сверкающим камнями и люрексом платьям с пышными кринолинами. Замечаю: чем на платье больше мишуры, тем Зоя счастливей. Нюся шипит: «Ну, мам!» – и краснеет.

Женишок сидит на диване и забавляется с телефоном.

Лалка испуганно смотрит на меня.

– Я тебя предупреждала, – шепчу ей я.

Она очень растеряна – такой моя подруга бывает нечасто. Я подталкиваю ее вперед. Пусть она, а не я советует Нюсе. Чтобы Нюся на меня не обозлилась. Лалка берет себя в руки и начинает действовать. Она выуживает достойные вещи и командует, чтобы Нюся чесала в примерочную.

Нюся, кстати, слушается ее неукоснительно. Я сижу на диване рядом с сыном и листаю журнал. Выплывает Нюся. В платье цвета увядшей чайной розы. С корсетом и струящейся узкой юбкой. На корсете – элегантная и скромная вышивка и нежный бутончик из кружева.

Удивительно, но Лалка сразу попала в цель. Какая же она умница! Я бы ковырялась полдня как минимум.

Нюся довольна. Что бывает, как мне кажется, очень ред-

ко. Она крутится перед зеркалом и перед Данькой. Данька смотрит на нее глазами, полными любви и восхищения. Мы с Лалкой переглядываемся. Мы совсем забыли про Зою. Я оглядываюсь. Зоя стоит в углу с глазами, полными слез. Я испуганно бросаюсь к ней. Теперь она уже просто рыдает. Минут через двадцать, после валерьянки и горячего сладкого чая, мы узнаем причину ее расстройств.

Всхлипывая, Зоя объясняет нам, недоумкам, что не о том она мечтала. А мечтала она увидеть свою дочь принцессой. Королевной. А видит ее сиротой казанской. Будто денег на единственную дочку пожалели. В убогом выдают. Не нарядном.

— А скромность в этом деле ни к чему, — всхлипывает бедная Зоя. — День ведь святой. Единственный в жизни. Праздник главный, можно сказать.

Ну, насчет «единственного» это, возможно, она погорячилась. Но первый — точно.

Потом она говорит, что мужа хватит кондрат, когда он увидит «дочу в этом».

Потом она берет в руки ценник и опять начинает всхлипывать.

— И это вот за это?!

Лалка смотрит на меня с неподдельным ужасом. Нюся красная от злости и стыда.

— Мы курить! — объявляет Лалка и тянет меня на улицу. — Пусть сами разбираются, — шепчет она.

Данька порывается выскочить с нами, но Лалка гавкает на него:

– Сидеть!

Он покорно опускается на диван. Сын смотрит на меня такими глазами...

«Так тебе и надо! – думаю про себя я. – Женишок, блин!»

Мы закуриваем, и Лалка произносит:

– Жесть!

Этим все сказано. Точнее не выразишь.

Я вяло усмехаюсь. Мне совсем не смешно. Это все, конечно, мелочи, но мы вряд ли пойдем друг друга и в остальном.

– Хорошо, что у меня нет детей! – заключает Лалка.

Я не комментирую.

Платье выбрано. С минимальными уступками – белое, с кружевом и узкой юбкой. Компромисс найден. Зоя не очень, но все же довольна. Это радует. Хотя бы мы не передрались. Потом мы покупаем туфли и веночек на голову. Зоя опять разочарована – не фата!

Данька едет их провожать – в руках пакеты и коробки. Зоя скорбно прощается с нами. Нюся отводит глаза. Данька счастлив, что все закончилось.

Мы с Лалкой тоже счастливы и идем в «Шоколадницу».

– Знаешь, я тоже буду блинчики с шоколадом и чизкейк, – говорит Лалка.

Я смотрю на нее с ужасом.

– Углеводы нужны, – объясняет она. – Сильный стресс.

«Покупки мы пережили, – думаю я. – Осталось пережить свадьбу».

А дальше – все остальное. Я тяжело вздыхаю и отрезаю кусок блинчика с яблоком.

* * *

Накануне свадьбы я, разумеется, не сплю. Какой уж тут сон? Хотя все готово и проверено тысячу раз. Муж тоже не спит. Ворочается. Я выхожу на балкон и встречаю рассвет. В роще, что в пяти минутах ходьбы от нашего дома, поют соловьи. Пахнет сиренью.

Думаю о том, что зря не приняла снотворное. Буду теперь как сонная муха. Правда, после снотворного – эффект почти такой же.

В семь утра, измученная и разбитая, встаю под ледяной душ. Варю очень крепкий кофе. Становится чуть легче. В девять должна прийти моя парикмахерша Оксана. Я стригусь у нее уже добрый десяток лет. Ей не надо ничего объяснять, за столько лет мы понимаем друг друга без слов.

Я захожу в комнату сына. Даюсь диву – мой мальчик, который женишок, спит как младенец. Рот приоткрыт, одеяло на полу вместе с одной ногой. Меня разбирает смех.

Я сажусь на край кровати и смотрю на него. Очень хочется погладить и поцеловать. Очень!

– Дурила ты мой! – вздыхаю я. – И чего тебе не хвата-

ет? Чего спокойно не живется? Ни о чем не думаешь. Никаких проблем. Все вопросы решают родители. Кроме одного – устройства твоей сексуальной жизни. И ты надумал решить ее таким способом, такой ценой. Глупый ты мой воробей! Ведь вся эта история надоест тебе месяца через три. Ну в крайнем случае, через четыре.

А могли бы поехать на море! Все вместе, втроем. Ей-богу, удовольствия было бы больше, а хлопот меньше!

Наверное, наш либерализм и демократия до хорошего не доведут. Наверное, как любая демократия и либерализм. Ну, не умеем мы грамотно этим распоряжаться. Не научились еще!

Вот другие родители показали бы тебе, сына, большую и жирную фигу. И были бы правы! Пошли бы на любой конфликт, лишь бы не допустить подобную глупость.

Мы же – нет! Какие запреты и условия у интеллигентных людей? Мы уважаем твои решения и твой выбор! Как мы можем попрекнуть тебя зависимостью от нас? Это ведь означает попрекнуть тебя куском хлеба! Еще мы уважаем твои чувства.

Может быть, хоть так ты научишься за что-нибудь отвечать? Ну, если мы не научили...

Хотя способ жестковат, прямо скажем. А может, все вообще будет хорошо? Ну что я каркаю как старая ворона? Ох, мое материнское сердце! То, которое вещун...

В общем, брак – как легализация интимной жизни! Впе-

ред и с песнями!

Я, кстати, первый раз вышла замуж в восемнадцать лет. Может, гены?

– Вставай, женишок! – Я щекочу ему пятку.

Он дергается и отворачивается к стенке.

Скоро за пятку его будет щекотать жена... А я буду стучать в дверь и спрашивать, можно ли войти.

Ладно, пусть еще поспит полчаса.

Муж тоже крепко спит. Похрапывает. Видимо, как и я, поздно заснул.

Я достаю из шкафа свой наряд. Синяя шелковая блузка в белых лилиях и белые брюки. Думаю, подойдет жемчуг. Бусы, серьги, кольцо. С ужасом смотрю на новые босоножки на высоченном каблуке. Такой каблук я не ношу уже лет десять. Поддалась на уговоры Лалки. Дура, конечно. Надо будет взять с собой балетки! Переобуюсь в случае чего. К тому времени уже никто и ничего не заметит. На градуснике двадцать четыре градуса. И это в такую рань! Что же будет к обеду? У Ивасюков серьезные планы – гуляние на Ленинских горах и легкий променад по Лужковскому мосту. С фотоаппаратом и камерой, разумеется.

Я осторожно уточнила:

– Зачем?

Зоя посмотрела на меня как на умалишенную.

– Как зачем? Себя показать. На других посмотреть.

В смысле – невест и женихов. Ну, чтобы убедиться, что

«наша лучше всех». Посыл такой. Ладно, пешие прогулки, в конце концов, полезны. Пусть гости аппетит нагуливают.

Оксанка приходит минута в минуту. Хорошо, что мои еще дрыхнут. Болтались бы под ногами.

Быстро и четко она выполняет свою работу. Болтаем, конечно, о свадьбе. Оксанка утешает и успокаивает меня:

– А может, все ничего?

– Может, – тяжело вздыхаю я. За столько лет мы стали подругами, хотя она намного младше меня.

Оксана пританцовывает вокруг меня на легких и стройных ногах и делает мне расслабляющий массаж головы. Я закрываю глаза и... действительно расслабляюсь.

Потом она делает мне «выходной» макияж. Обсуждаем с ней, сколько он продержится на такой жаре. Выпиваем по чашке кофе и выкуриваем по сигарете. Я провожаю Оксанку и чувствую, что меня немного отпустило. Полегче как-то стало.

Спасибо ей! Всегда легче после разговора с хорошим человеком.

Теперь уже без шуток и прибауток я бужу своих мужиков. Накрываю завтрак. У мужа совсем нет аппетита, что не скажешь про сына. Яичница из трех яиц. Три сосиски. Два бутерброда с «Маасдамом» и два овсяных печенья с вареньем. Ну, и две чашки чая.

Это я к чему? Я не считаю за сыном куски, не приведи боже! Это я о его спокойствии и расслабухе. Хотя некото-

рые так трескают на нервной почве. Данька встает из-за стола, открывает холодильник и достает стаканчик клубничного йогурта.

– На закуску! – поясняет он.

– Проверься на глисты! – рекомендует ему остроумный папаша.

Потом они уезжают за букетом невесты, заказанным накануне. У меня есть время перевести дух. Я звоню маме.

– Нервничаешь? – Этот вопрос мы задаем друг другу одновременно.

– Я нервничаю и по менее значительным поводам, – резонно напоминает она.

– Все будет хорошо! – вяло подбадриваю ее я.

– Не слышу в голосе убедительности, – констатирует моя умная мама.

– Прими успокоительное, – напоминаю я.

– Ты тоже, – откликается мама.

В нашей семье все очень чувствительные. Кроме Даньки, по-моему.

– Я решила подарить ей кулон, – говорит мама.

«Ей». Понятно. Не могу не согласиться.

– Кулон золотой, – добавляет мама. – В форме ключика.

Помню я этот ключик. Маме его подарили на пятидесятилетие. Она еще возмущалась тогда, что подарок не по возрасту. Подарила, кстати, моя свекровь. Еще и поэтому мама реагировала так бурно. У них не очень получилось полюбить

друг друга. Даже не понятно почему. Дамы одного круга, одного возраста. Видели бы они моих Ивасюков. Впрочем, сегодня увидят. Я немного побаиваюсь за маму – она сердечница.

– Мам, а если Тамара увидит? – Я имею в виду ключик и мою свекровь.

– Что она, узнает? – возмущается мама. – Она давно уже в маразме. Не помнит день рождения своего единственного внука.

Мама – человек аргументов, с ней не поспоришь. Когда Даньке было три года, свекровь его спрашивала: «Мальчик, а как тебя зовут?»

Он радостно отвечал: «Даня».

Далее следовал вопрос: «Мальчик, а сколько тебе лет?»

Сын честно отвечал и на этот вопрос.

Дальше был вопрос третий и последний: «Мальчик, а как твоя фамилия?»

Сын полностью удовлетворял ее любопытство.

Нет, ничего страшного в этом не было. Я не вредничаю и не придираюсь. Просто дело в том, что три этих сакральных вопроса она задавала ему лет до двенадцати. Он тихо зверел. Она бы продолжала интересоваться этим и дальше, пока взбешенный Данька не выкрикнул ей: «Бабушка, ты что, думаешь, за эти годы что-нибудь поменялось? Или, может, я взял псевдоним?»

Мы с мужем заржали. В голос. Тамара Аркадьевна обиде-

лась. Сильно обиделась, надо сказать. Она вообще человек без чувства юмора. А это, на мой взгляд, полная катастрофа.

Конечно, она заявила, что сына мы воспитываем ужасно. Что он не уважает старших. Хамит и издевается. После этого, когда ее сын звонил ей – каждый вечер, кстати, она полгода не спрашивала, здоров ли ее внук.

Кстати, думаю, что назло моей маме она страстно полюбит семейство Ивасюков. Почему назло? Потому что ей, по большому счету, наплевать, как складывается у внука жизнь. И по малому тоже. Я ее не осуждаю. Она немолодой человек. Прожила нелегкую жизнь. Осталась в тридцать семь лет вдовой и одна поднимала сына. В конце концов, за мужа я должна быть ей благодарна. А так, у нее свои интересы. Соседки, сериалы и книжки Иоанны Хмелевской. Пусть будет здорова и счастлива. Свой отдых она заслужила. Вот. Я скажочно мудра и терпима.

Приезжают муж и сын. Начинается беготня. Орут оба и без конца меня дергают. Где галстук? Где носки? Какую надеть рубашку? Нет, все-таки все мужики... И галстуки, и рубашки, и носки – все давно готово. Ну что им еще от меня надо? Я рывкаю на сына. Он заявляет, что все это от волнения.

– Заволновался! – злорадно шиплю я. – Раньше надо было волноваться!

– Не понял? – Он оборачивается ко мне.

Готов к разборкам. Ну, не портить же ребенку такой день!

Я смываюсь на кухню. Наконец выкатываемся из подъезда. Муж и сын вяло перебрехиваются. Повод у них находится всегда. Я толкаю мужа в бок. Он обижается. Ну, прямо дитя малое!

Едем за моей мамой. Она живет недалеко от нас. Мама – вот что такое дисциплина – уже на улице. В новом платье и с новой прической.

– Привет, жених! – бросает она внуку.

– Не понял, почему столько иронии, – вскидывается жених.

Я делаю маме знак глазами – молчи!

Язычок у нее – будь здоров! Она пожимает плечами.

Едем за Тамарой Аркадьевной. Ждем ее пятнадцать минут. Муж звонит в домофон. Свекровь выплывает. Белый костюм, белые туфли. На лице загадочная улыбка.

– И кто у нас невеста? – язвительно интересуется мама.

Данька в голос ржет. Муж смущается. В ее возрасте наряд довольно нелепый. Ну, если не невеста, то точно Снегурочка.

Свекровь садится в машину. Мама отодвигается подальше. От свекрови невыносимо пахнет «Красной Москвой». Это неистребимо. Сколько раз я дарила ей французские духи! Нет, ни за что. Ее постоянство и верность фабрике «Новая заря» восхищают.

Тамара Аркадьевна достает из сумки подарок молодым. Делает она это очень торжественно.

В ее руках конверт. Она протягивает его Даньке. Данька

берет и говорит:

– Спасибо, баба Тома.

Свекровь торжественно смотрит на нас.

– Там деньги, – гордо оповещает она. – Пятьсот долларов. В валюте надежней.

Моя мама фыркает и отворачивается к окну.

Муж кидает на меня победный взор. Дескать, это вам не золотой ключик от дверцы каморки папы Карло. Я пожимаю плечами – на здоровье!

Подъезжаем к загсу. Вижу Ивасюков. На месте. Боялись опоздать. Хотя до мероприятия еще час с лишним.

Подполковница опять в обильном люрексе. Переливается на солнце и слепит глаза. На голове увесистая «башня», по бокам две заколки со стразами. Нарядная, короче. Ивасюк в форме. В смысле – военной. Мама дорогая! Торжественная пара, сказать нечего. Нюси не видно. Может, передумала?

Мы выползаем из машины. Мама стоит в стороне и закуривает сигарету. Явно не торопится упасть в объятия новым родственникам. А вот Тамара Аркадьевна спешит распахнуть свои объятия. Расставив руки, решительно двинулась на Ивасючку. Обнялись и расцеловались. Мама криво усмехается и осуждающе качает головой. Я, наверное, в свою любимую мамулю – такая же змеюка и циник.

Появляется Нюся. Как всегда, на лице гримаса недовольства. Господи, ну что на этот раз?

Оказывается, жмут туфли.

– Красота требует жертв! – не банально подбадриваю я свою почти уже невестку.

Мама так разглядывает Нюсю... В смысле – с таким лицом... Я бы на Нюсином месте предпочла испариться. А ей по барабану. Держит удар.

Я смотрю на сына. Дело в том, что Данька – красавец. Абсолютный плебей. Рост метр восемьдесят шесть. Сложен, как римский атлет. Волосы темные, цвета спелого каштана, густющие, мягкой волной. Глаза голубые. Красивые, крупные руки. В общем, хорош, зараза. Девки сворачивают головы. Да что там девки! Тетки оборачиваются вслед.

Странно, что он такой получился. Мы с мужем довольно обыкновенные. Просто он очень удачно взял от каждого из нас все самое лучшее. Вернее, не он взял, а так распорядилась умная и щедрая природа.

Короче, Данька – красавец. А Нюся – обычная серая мышь. Мышонка. Так, кстати, часто бывает. Это сейчас он смотрит на нее затуманенным взором. А потом... Я хорошо знаю своего сына. Кобель. Однозначно. Впрочем, с его данными и повышенным женским к нему вниманием трудно было бы не стать другим.

Надо признать, что сегодня Нюся довольно хорошенькая. Все невесты хорошенькие. В той или иной степени. Чудеса нынешних технологий. Автозагар, прическа, макияж. Нарощенные ресницы и ногти.

Да, добрая я тетя. Да нет, просто справедливая и объек-

тивная.

Подтягиваются гости. Тамара Аркадьевна в плотной сцепке с Ивасюками. Такое ощущение, что она ждала этой встречи всю жизнь. Мы с мамой переглядываемся.

– И правильно, что ключик, – шепчет мама. – Большого она не стоит.

Тема подарка ее немного грызет. Я киваю.

– Правда, мамочка.

У меня в сумке подарок для невестки. Мне объяснили, что так положено. Вдобавок к прочим расходам – ресторану, свадебному путешествию, покупке новой тахты для молодых.

Ну, положено, так положено. Мы купили Нюсе цепочку из белого золота с розовой жемчужинкой. По-моему, современно и элегантно.

Подруливает Лалка, кивком подбадривает меня. Я вздыхаю. Лалка треплется с моей мамой. Подъезжают Воробьевы – Таня и Женя, наши очень близкие друзья. В руках у Жени огромный букет белых орхидей, а люди они, между тем, небогатые. Мы обнимаемся и целуемся. Таня идет знакомиться с Ивасюками. Она очень хорошо воспитанная девушка. Ивасюки смотрят на всех с испугом и подозрением. Или мне кажется?

Нет моей подруги Соньки. С ней мы дружим с детского сада. Сонька отдыхает на Кубе. Я думаю, что Данькина свадьба – совсем не повод, чтобы прервать такое путешествие.

Сонька ничего не потеряет и не приобретет, не побывав на нашем семейном торжестве.

Последней подплывает мужнина сестра Альбина, двоюродная сестра. Альбина – старая дева и неисправимая кокетка. Она и вправду чудная. Косит под девочку. Короткая юбка, глубокое декольте на изрядно подвядшей груди. Яркий макияж и высоченные, сбитые каблуки. Вид довольно жалкий и смешной. Моя мама говорит, что Альбина – городская сумасшедшая.

Альбина работает корректором в каком-то занюханном журнале типа «Заборы и калитки». И всю жизнь мечтает выйти замуж. Упорно и маниакально. При виде нового мужичка – самого, кстати, затрапезного – Альбина не в меру возбуждается. Начинает закатывать глаза, перекидывать ногу за ногу и громко смеяться, обнажая парочку проеденных золотых коронок. Мужики, даже самые никудышные, чуют опасность и быстрехонько смываются.

Наши все в сборе. Остальные подъедут в ресторан. Рядом с Ивасюками стоят две пары. Видимо, самые близкие друзья. Полковые товарищи. Тетки – один в один моя сватья. Блондинки, увы, не платиновые. Волосы цвета прелой соломы. Яркий макияж. Турецкие наряды – претензия на вечерние. В смысле – блески, золотые и серебряные нити, воланы и кружева. Мужички тоже как братья. Наверное, образ жизни и вкусовые предпочтения создают иллюзию их «одинаковости».

Мне кажется, что они тоже встревожены. Зашуганные какие-то.

Нас приглашают в зал. Звучит старичок Мендельсон. Знакомая мелодия, а как пробивает дрожь! Как торжественно и волнительно! Все подтягиваются и тянутся гуськом друг за другом. Распорядитель расставляет нас по обе стороны брачующихся.

За длинным столом, покрытым малиновой скатертью, стоит дама. Она смотрит на нас с легким презрением, видно, как ей все осточертели!

«Странно, – думаю я. – Так изменились времена, страна и мода, а дама в загсе все та же. Корпулентная, важная. С высоким начесом и брошкой на пышной груди. Точно такая же была и у нас на свадьбе. Двадцать пять лет назад. Что-то меняется в нашей жизни, а что-то – величина постоянная».

Дама произносит торжественную речь. Мы с Ивасючкой друженько ревим. Скованные одной цепью. Лично мне жалко моего дурачка. Хотя мой дурачок остается при мне. А ее птичка таки упорхнула. Бедная подполковница! Мне ее искренне жаль. Отпускать родного ребенка в лапы злобной свекрови.

В том, что я злобная свекровь, я уже ни секунды не сомневаюсь.

У ресторана толпа – все собрались. Наша изрядно поредевшая родня, парочка школьных подруг и коллег по работе – моих и мужниных. Ивасюки бросаются к своим. Зоя воз-

бужденно знакомит меня с родственниками. Это тетя из Волгограда, это сестра из Питера. А это брат из Вологды. Кто-то пытается целоваться. Моя мама стоит с Лалкой в сторонке. Скурилась, по-моему, вконец. А впереди еще целый вечер, и у мамы гипертония. А вот свекровь со всеми обнимается и целуется. Ей все очень нравятся. Муж вздыхает и пытается ее оттянуть. Альбина плотоядно облизывает губы. Незнакомых мужиков море! Может, что-то выгорит? Я ей искренне этого желаю. Честное слово!

Входим в зал и рассаживаемся. Все замечательно – и зал украшен, и стол обилен. Официанты расставляют цветы. Молодые принимают подарки. К ним, расталкивая всех, бросается с большой картонной коробкой Альбина. Она виснет на Даньке, теребит Нюсю. И, наконец, вскрывает коробку, перевязанную розовой капроновой лентой. По-моему, той, которая украшала детское одеяльце, когда крошку Альбину счастливый папа забирал из роддома.

Она торжественно достает то, что лежит в коробке. Судя по виду коробки, я начинаю нервничать и ожидать худшего.

Но такого не ожидала даже я, знающая Альбину четверть века.

Она держит в руках грузинскую чеканку. Грустная девушка в народном головном уборе в профиль. Сюжет известный и самый банальный. Предполагаю, что грузинская девушка – ровесница Даньки. Или чуть постарше. А что, в свете не самых лучших отношений с дружественным народом, вполне

возможно, что это уже раритет. Или даже антиквариат.

Сты-до-ба! Климактерическая идиотка! Позор семьи! Ивасюки переглядываются. Данька красный как рак. Нюся усмехается. Я вполне на ее стороне. Даже свекровь в ступоре. А моя мама близка к обмороку.

Мы не корыстные и не расчетливые люди! Нам ничего не надо, ей-богу! Нам вполне хватает на жизнь и даже на небольшие удовольствия! Мы понимаем, что Альбина живет на небольшую зарплату. Мы не ждем от нее ценных подарков! Мы поймем и не осудим, если она подарит просто букет цветов или набор кухонных полотенец.

Но только не так! Не так унижительно! Лучше ничего, чем это! Противно и стыдно. Даже не смешно! Или все-таки смешно? Конечно, смешно. Но и противно тоже.

Дальше все с аппетитом закусывают. Поднимают бокалы. Произносят тосты. Я замечаю, что Нюся надела наш подарок. Значит, понравился. Уже приятно. Я тоже говорю тост. В нашей семье отдуваюсь на торжествах всегда только я. Муж говорит, что у меня лучше получается. Интересно, откуда он знает, если сам ни разу не пробовал?

Я говорю расхожие фразы. Желаю здоровья, любви и взаимопонимания. Кто меня знает – удивлен. Обычно мои тосты велеречивы, продолжительны и остроумны. А здесь я сдержанна и банальна.

Потому что говорить другое просто неохота. К чему перепрыгивать через себя? Поживем – увидим. Продержатся

хотя бы лет пять, вот тогда разольюсь соловьем.

Если кто-то еще будет меня слушать.

Потом встает Ивасюк. Он говорит рублеными, но искренними фразами. Его голос дрожит, в глазах слезы. Оказывается, он мечтает о внуках. Меня это почему-то удивляет. Как-то мы с ним, похоже, и в этом вопросе не совпадаем.

Один из гостей со стороны Ивасюков кричит: «Горько!» Молодые нехотя поднимаются со стульев. Представители Российской армии начинают считать. Хором и громко – раз, два, три. И так далее.

Данька с испугом оглядывается на меня. Я недобро усмехаюсь. А ты как думал?

Прерывает эту бурную вакханалию Нюся. Она говорит: «Хватит!» – и садится за стол. Данька облегченно вздыхает. Я почти люблю Нюсю.

Потом все курящие выходят на широкий балкон. Курить на воздухе полезней. Я слышу, как полковой товарищ Ивасюка пытается Даньку, почему он не отдал долг Родине. Данька вяло отбрехивается. Я вступаю первой скрипкой. Объясняю, что военным нужно родиться. Что не все могут служить. Что наша армия в плачевном состоянии. Что я не собираюсь рисковать жизнью единственного сына. И вообще, у него плоскостопие.

Дядька хмурит брови. Он явно мной недоволен. На Даньку смотрит с легким презрением. Мы его разочаровали. Он грозит мне пальцем и говорит:

– Ну, дамочка!

Нюся на нашей стороне. Она шипит:

– Хватит, дядя Дима! – И утягивает Даньку в зал.

Ко мне подсаживается Танюша Воробьева. Гладит меня по руке и просит расслабиться. Шепчет, что невестку надо полюбить. А ее родню принять. Это выбор сына. Я обязана с ним считаться. Иначе – крах отношений с ребенком. Тогда буду страдать еще больше.

Она, конечно, права. Если бы мы поменялись местами, я бы говорила ей именно эти слова. Но я на своем месте. Мой сын женится слишком рано. Я уверена, что здесь превалирует банальное физическое влечение. Никакого родства взглядов и душ. Поэтому я огорчена. Знаю наперед, чем это закончится. Жалко сына, мужа и себя. Жалко усилий, хлопот и денег. И самое главное – невестка мне совершенно чужой человек. И вряд ли отношения у нас будут теплее. Она к этому не стремится. Я тоже. Еще я боюсь совместного проживания. Отделить детей и снять им квартиру у нас нет возможности. В общем, бред и глупость. Пустая трата здоровья и сил. Перспективы я не вижу. Ломать себя не собираюсь. Короче, мне все это не по душе. Вот и все.

– Достаточно? – спрашиваю я Танечку.

Танечка грустно вздыхает. Понимает, что возражать глупо. Мои аргументы вполне убедительны.

– Выпей, Лена! – предлагает она. – Расслабься! И не принимай все так трагично! Никто не знает, что нас ждет впе-

реди!

– Я знаю! – сурово отвечаю я и одним махом выпиваю большую рюмку коньяка.

Мама показывает мне глазами на Альбину. Эта придурочная прыгает, задирая ноги, и мотает по залу вперед и назад в ритме танго немолодого и хилого мужичка из родни Ива-сюков. По-моему, дядю Петю из Мариуполя. Бедный дядя Петя близок к обмороку. А этой лошади хоть бы что! Дядю Петю надо спасать! Я шепчу это мужу. Он, тяжело вздыхая, идет ловить на танцполе сестрицу. Она волшебным образом от него ускользает. Муж растерянно смотрит на меня. Я киваю Лалке. Лалка показывает рукой – минуточку! Медленно, но уверенно идет тараном на Альбину. Хватает ее за руку и тащит к выходу. Та пытается вырваться, но хренушки! Из Лалкиных рук просто так не вырваться! Дядя Петя, по-моему, счастлив, как будто выиграл «Ладу Калину» на Поле Чудес.

Он присел на край сцены и вытирает платком вспотевшее лицо. Испуганно оглядывается по сторонам. Налицо пост-травматический шок. Благодарным взором смотрит на спасительницу Лалку, и к нему постепенно возвращается нор-мальный цвет лица.

Потом начинаются песни. Женя Воробьев берет гитару, и мы поем Визбора, Окуджаву и Высоцкого. Молодежь подпе-вает только Высоцкого. Первые два барда им, увы, незнако-мы. Или знакомы, но слов они не знают. Вдоволь напевшись

и отведя душу (я махнула еще пару рюмок коньяка. Полегчало!), мы поднимаем тост за любовь.

Потом начинаются спевки и сватов. Они поют: «Ой, мороз!», «Там, где клен шумит», «Я люблю женатого», «Господа офицеры», «Москва, звонят колокола», «Владимирский централ».

В общем, репертуар очень разнообразен и, прямо скажем, пестроват. Но в основном песни душевные и хорошие. Кто знает слова – подпевает. Я, честно говоря, знаю не очень.

Но потом кто-то запекает «Свадьбу-свадьбу» и подхватывают в едином порыве все. И наши и не наши.

Мы все вместе. Ура? Наверное.

Маму пригласил на танец Ивасюк. Видимо, чувствует, с кем надо налаживать отношения. С кем будет сложнее всего. Странно, что его это волнует. Лично мне было бы наплевать. Но я не говорю, что это меня хорошо характеризует.

Альбина – назло врагам – сидит на половине Ивасюков. Мы обиделись! Сейчас будем плакать!

Все порядком устали. Ждем вынос торта. Небольшое оживление на торт и кофе. Все потихоньку начинают расходиться. Подходят к нам, благодарят и жмут руки. Усердней всех дядя Петя из Мариуполя. Мои подруги шепчут мне, что все будет хорошо, и добавляют, «что девочка славная».

Мои хорошие и наивные друзья! Они искренне думают, что я ревную невестку к сыну! Как они, оказывается, плохо обо мне думают! Ну разве я такая клиническая дура? Разве я

не порадовалась бы за него при других обстоятельствах? Не пожелала ему долгого семейного счастья?

Но в целом, слава богу, все прошло без эксцессов. Как сказала моя школьная подруга Мила, все было очень мило. Каламбур. Можно смеяться. Но как-то мне не очень смешно. Как и дяде Пете. Но он, по крайней мере, спасен.

И тут мне кстати вспомнился один яркий случай из реальной жизни – почти анекдот, услышанный мною из первых уст.

Итак, семья наших очень близких друзей. Точнее, друзей моих родителей. Мамы и покойного отца.

Он – мальчик из еврейской, профессорской семьи. Окружение соответствующее. К тому же он красавец. Синеглазый брюнет. Зовут Максим. Кстати, в будущем – тоже профессор. Но я сейчас не об этом.

Она – девочка из простой, многодетной, но очень дружной и работающей семьи из Калуги. Обожаемая всеми младшая сестра. Красавица. Тонюсенькая черноглазая блондинка.

Они учатся в одном институте. Любовь с первого взгляда. Не могут разнять крепко сцепленных рук. Он делает ей предложение. Она, разумеется, соглашается.

Профессорская семья ее обожает. Девочка мила, скромна и добропорядочна. Происхождение невесты их, как истинных интеллигентов, не волнует.

Она всем пришлась по душе. Она и вправду прелестна.

Максим тоже пришелся ко двору. Ее родные решили,

что красавицы и умницы Катеньки он вполне достоин. К тому же очевидно, как он влюблен и внимателен к любимой сестре. Еще они знают, что из евреев получаются хорошие мужья.

Готовятся к свадьбе. Снимают зал в столовой. Мама-профессорша готовит фаршированную щуку и форшмак из селедки. Катенькины сестры пекут пироги и варят холодец.

Но Катенька предупреждает, чтобы ее родня была бдительна: зная широту русской натуры, она умоляет, нет, категорически запрещает родне употреблять алкоголь. Она отлично помнит деревенские свадьбы, не проходящие без скандалов и мордобоев. Что поделаешь, так заведено. Какая свадьба без баяна? И, как следствие, без буюна? Нет, откровенных алкашей в ее семье нет, но надо соблюдать приличия – с *той* стороны все люди именитые и ученые. Интеллигенция, одним словом. Катенька ни в коем случае не стесняется своей родни, она всех братьев и сестер обожает и ими искренне гордится. Но понимает – у всех представления о веселье свои. Не хочет расстраивать будущую свекровь, чудесную женщину. И еще умоляет брата Ванечку не брать на свадьбу любимую гармонь. Он удивляется – почему? Но сестры на него шипят, и покладистый Ванечка со вздохом подчиняется.

Надо сказать, что, сама того не желая, Катенька их сильно напугала. Сидят они чинно, рядком. Подергивают шеями в накрахмаленных и непривычных жестких рубашках, боятся ослабить узкие галстуки

с «искрой» и, тяжело вздыхая, поднимают бокалы с минералкой.

А те, кто сидит напротив, в смысле профессура, та, которая интеллигенция, быстро и дружно напиваются. Кто-то пристаёт по ошибке к чужой жене. Как следствие – драка и разбитые носы. Брат Иван смотрит на эту катавасию с восхищением. С криком: «Ну, еврейцы! Дают!» – военным крейсером врывается в толпу дерущихся. Драчунов растаскивают свеженькие и полные сил Катенькины родственники. Со вздохом облегчения, надо сказать. Мол, как неожиданно выяснилось, профессура и евреи – тоже люди. Дальше гости перемешиваются и пьют уже вместе и дружно. И так же дружно поют советские песни. Все заканчивается замечательно.

«Молодые» уже справили золотую свадьбу. Дай им бог!

Все горячо нас благодарят и постепенно разъезжаются.

Зоя с тоской и тревогой оглядывает стол. На столе осталась куча несъеденного. Где-то я ее понимаю. Уплочено! Но как-то собирать со стола...

Впрочем, я не права. Лалка дает команду – и нам все упаковывают в контейнеры. Я протягиваю Зое пакет. Она с радостью его берет. На здоровье! Моя излишняя совковая скромность – чистый идиотизм. Можно подумать, что деньги мне валятся с неба.

Молодые отъезжают в отель. На первую брачную ночь. Го-

воят, что сейчас так принято. У кого? В общем, торжественное прощание с девственностью. Потерянной не знаю когда. Это – не мое дело. Просто этот антураж меня забавляет. И еще злит.

Мы уже на улице. Дышим воздухом.

Я спрашиваю у мамы:

– Ну, как?

Она смотрит на меня как на умалишенную.

– И что ты хочешь услышать? – спрашивает она.

– Ну, твое мнение, – мямлю я.

Она тяжело вздыхает и качает головой:

– Где ты была, Лена? Все это время? Чем таким важным ты занималась? Чтобы единственного сына упустить? И чтобы все это допустить?

Мама заговорила стихами, но мне не смешно. Я что-то вяло мямлю в ответ. Мама машет рукой и поворачивает в сторону метро. Я кричу ей вслед, но она не оборачивается.

Зато свекровь, по-моему, счастлива. В машине она без умолку триндит, какая замечательная Нюсечка. Чудная девочка! И такая красавица!

Мы с мужем переглядываемся.

Дальше – больше. Сваты чудесные. Их родня – ну просто волшебная.

Все сводится к тому, что *нам* крупно повезло. Очень удачная партия!

Моя свекровь далеко не дура. Все, что она «поет», – это

мне назло. Мне и моей маме. Так-то. Я не доставлю ей удовольствия и не начну возражать. Я согласно киваю. Вижу, как быстро спадает ее жаркий пыл. Мы довозим ее до дома. Я набираю мамин номер. Трубку она не берет. Может, еще в метро и не слышит?

Зато звонит сынуля. Они на месте. Слышу, как он зевает. Я спрашиваю, как гостиничный номер. Он отвечает: «Нормально».

«Нормально» – это любимый ответ. Нормально! За двести евро в сутки.

Женщина я злая и жадная. Определенно. Но почему-то мне не стыдно. То есть муки совести не гложут совсем. То есть я еще и черствая. Но очень самокритичная.

Мы вваливаемся в квартиру. Я скидываю ненавистные бо-соножки. Боже, какое счастье! Смываю косметику, надеваю старенькую и самую уютную ночнушку и падаю в кровать. Прошу мужа сделать мне чаю. Опять набираю маму. Она снимает трубку. Говорит, что все нормально. «Спокойной ночи, Лена!»

В голосе укор и презрение. Никакой поддержки! Даже от самых близких людей. Муж вообще обсуждать свадьбу отказывается. Впрочем, объясняет это вполне резонно:

– А что тут обсуждать?

В принципе, он прав. Еще он советует позвонить Танюше и Лалке.

– С ними и перетри, – советует он.

Советчик! Без него бы не догадалась.

Сначала – Лалке. Там не будет ни позитива, ни утешений. Одна голая правда. Потом Танюше. Та точно успокоит и найдет нужные слова. И, может быть, я усну. Хотя сильно сомневаюсь.

Лалка говорит, что «все, конечно, жуть». Но уже ничего не исправить и надо ждать естественного конца. Обещает скорую агонию. Потом мы вспоминаем Альбину и мою свекровь. Дядю Петю, спасенного ею, – непременно. Дамские наряды и дурацкие тосты. Ржем. Заходит муж. Смотрит на меня и комментирует:

– Очень смешно.

Не очень, согласна. Но имею я право расслабиться? Или нет? Потом беремся за «наших». Но здесь уже все – лайт. Объективно и почти доброжелательно. Прощаемся.

Тут же прорывается Танюха:

– Не спишь?

Уснешь тут, как же!

Танечка говорит, что все прошло чудесно. Стол замечательный. Я выглядела роскошно. Данька просто красавец.

– Да уж! – вздыхаю я. – А что толку?

Танюшка пытается меня утешить. Мол, все устаканится. Я привыкну. Да, она – в смысле невестка – суховата. Не очень располагает. Но, возможно, хороший человек. Преданный и верный.

– А что не красавица, так это спокойней. Меньше про-

блем. Что, тебе нужна модель? – умничает добрая Танечка.

Нет. Я не об этом. Мне все равно – модель или скромная учительница. Парикмахер или стоматолог. Мне хочется, чтобы она улыбалась мне. *Мне улыбалась!* И разве я хочу слишком многого?

* * *

Это у нас семейное. Моей любимой тетке не везло с невестками. Их было три. Сын – умница и красавец. Молодой ученый. Невестки далеко не дуры. Видели перспективность объекта. Каждая новая оказывалась зубастей предыдущей. Он довольно легко «уводился» из прежней семьи. На него делались высокие ставки, и он, надо сказать, не подводил. Все снохи были отъявленные акулы. И все как на подбор – уродины.

Тетка не могла успокоиться. Почему три и все крокодилы? У красивого и успешного мужика? Загадка, конечно. Но я думаю, что ему все было до фонаря. Его брали – он шел. Кроме науки, его мало что интересовало.

Ну ладно. Нехороши внешне – они в этом не виноваты. Не всем быть красавицами. А душевные качества? Все как на подбор скупы, расчетливы и претенциозны. Хозяйки слабые, матери холодноватые. Обидчивы и не гостеприимны. В общем, врагу не пожелаешь. Все, кстати, хорошо образованы и из приличных семей. Так вот, тетка говорила: «Мне

ничего от них не надо! Ни образования, ни красоты. Пусть будет хоть доярка или дорожная рабочая. Только пусть когда-нибудь улыбнется! Даже если она мне не очень рада!»

Ну, не надо объяснять, что речь идет об обычной человеческой доброте или проще – доброжелательности!

И это говорю я! Змеища подколотная.

Ладно, надо спать. Завтра молодые уезжают в Испанию. Мы повезем их в Шереметьево. А потом у меня три дня отгулов! Ура, ура, ура! Поедем на дачу. Будем жарить шашлыки и пить вино! Жизнь, наверное, все-таки прекрасна! Несмотря ни на что.

Утром мы заезжаем в гостиницу за детьми. Чемодан, упакованный мною, лежит в багажнике. Я волнуюсь, может, что-то положила не то? Самим надо собирать! Детский сад, штаны на лямках.

Они выходят, невыспавшиеся и невеселые.

Муж подкалывает:

– Что грустим, молодежь?

Не отвечают. Хамы. Может, поцапались? Ну-ну. То ли еще будет. Какая же я милая! Сама умиляюсь!

До Шереметьева молчим. В аэропорту я шепчу Даньке:

– Что-то случилось?

Он пожимает плечами.

– Нет, все нормально. Просто устали.

Ну и фиг с вами. Летите, голуби! Отдыхайте и набирайтесь сил! Скоро начнется проза жизни. Вот тогда и посмот-

рим, кто сколько стоит!

Едем домой. Настроение улучшается. Наверное, я рада, что Данька побудет на море. Посмотрит Барселону. Поест паэлью. Загорит и окрепнет. Вдоволь наплавается. Море он обожает. Здорово!

А может, я рада, что две недели не увижу Нюсю? Оттяну, так сказать, сладостный миг совместного проживания?

Ладно, свадьбу мы пережили. Детей отправили. Впереди пара дней передыха. Короче, не будем смотреть в будущее. Не будем загадывать. Будем жить сегодня и сейчас!

Как там говорит моя свекровь? «Загад не бывает богат»? Свежая мысль. Вот-вот.

Эти записки – о свекровях. В частности, обо мне. Но на свете есть еще и тещи. Тема не так животрепещуща для меня. В смысле того, что за Зою я почти спокойна. Тетка она не вредная и не избалованная. Думаю, что проблем с ней не будет. С подполковником сложнее. Разбираться будем потом. В процессе. По мере поступления, так сказать. То, что он попытается построить Даньку, я не сомневаюсь. Но он плохо знает моего мальчика. Это с виду он такой зайчик. Ресничками хлоп-хлоп. Но если затронуть его интересы... Покуситься на его жизненное пространство...

Короче, Ивасюк! Ты не знаешь, что ты – на опасном пути! Даже не думай, честный вояка! Мало не покажется. Послушай опытных людей! Для сына есть один авторитет. Уж извините, это мы, его родители. А если начистоту – то, пardon,

это его матушка. В смысле – я. С отцом он бодается и спорит. Часто выходит победителем. А со мной силы слишком неравны. И он это знает. Все-таки я дочь своей мамы.

Итак, о тещах. Моя мама – теща неплохая, в смысле – индифферентная к зятю. Да и зять вполне хорош. Второй. Если сравнивать с первым – особенно. Про первого ниже. Мама к мужу понапрасну не придирается, почти всегда на его стороне и всегда считает виноватой меня. Ну, или почти всегда. Да и вообще, она человек справедливый. Не то чтобы считает, что мне крупно повезло и я вытащила счастливый билет, а просто знает, что могло быть и хуже.

Теща есть у моего брата Саши. Младшего брата. Разница у нас небольшая – три года. Сашка – вылитый папа. Человек мягкий и незлобивый. К жизни у него почти нет претензий.

Женился он в двадцать семь. Не рано. И не поздно. Девиц у него было не очень много. Романы всегда бурные, скоротечные, непременно кончающиеся Сашкиной депрессией. Девицы как на подбор – поэтесса, художница-гобеленщица, искусствовед. Все девушки творческие и рефлексирующие, мечтающие об алых парусах и о принце на белом коне. Но Сашка не принц. Он толстый и бородатый увалень. Любитель психологической и сложноватой литературы, Босха и Шнитке. Человек «в себе». Хороший, честный, очень порядочный, но непростой. Далекий от жизненных

реалий. Равнодушный к предметам обихода и тряпкам. Обожающий пожрать, но не гурман. Скорее обжора. Я его нежно люблю, но быть с ним в душевных и близких отношениях довольно сложно. В общем, после всех этих худосочных и манерных девиц, словно клонированных, как овечка Долли, Санек намертво влюбился в красавицу узбечку по имени Фарида. Вернее, узбечкой Фаридка была наполовину. По отцу. А мамахен у нее была хохлушка. Из украинского села Зачепиловка. Настоящая красавица – крупная, крутобедрая, черноглазая. С косой до поясницы. С певучим и зычным голосом. Папаша-узбек служил в Малороссии в армии. Там и познакомились. Увез ее с незалежной к себе, в Ташкент. Там у его родителей был большой дом с садом, да и вообще все в порядке. Папа работал начальником отделения милиции, а продвинутая узбекская мама в парандже не ходила и у очага не ломалась – работала директором кафе. Короче, люди они были зажиточные. Матушка красавицы Оксаны рыдала, провожая в дальнюю страну непослушную дочь. Говорила, что запрет ее муж мусульманский в каменном доме и сядет пышным задом в шелковых шальварах ее доне на шею узбекская свекровь. И будет она варить днями плов и лепить манты, и забудет вкус родного, с чесноком и прожилками бордового мяса, сальца. И будет приносить изуверу-иноверцу по ребенку в год. В общем, пропала доня.

Ха! Плохо знала свою Оксану бедная мама!

Та быстренько разобралась с мужниной родней и объяснила, кто кому и почему. И еще – что, где и когда. Все притихли. Даже папа-мент. Оксана варила кастрюли малинового борща и квасила капусту. Нет, чужие традиции она уважала, и сала в дом не заносила. Но Золушку из нее сделать не удалось. Ее уважали и побаивались. Ее мнение было решающим. Свекровь быстренько и с удовольствием передала ей бразды правления. Традиции ее не очень волновали. Оксана родила девочку. Уступила в одном – согласилась назвать Фаридой. В честь бабушки. Но окрестить – окрестила. Никто не пикнул. Сняла свекровку с работы и посадила с дочкой. А сама села на ее место. Директором кафе. Объяснила, что молодым везде у нас дорога.

В общем, как в том анекдоте: «Пришел с работы муж-узбек, тибетейка на затылке. Жди скандала. У меня плохое настроение. А украинская женка руки в боки. А мне плевать, где у тебя тибетейка! Смотри, в каком положении у меня руки!»

Но жили они хорошо и сытно, ни в чем не нуждались. Фаридка уродилась красавицей – такой замес крови. Родители не подкачали! Учиться захотела в Москве. Перечить ей не стали, характером она пошла в мать.

Поступила в институт культуры. Дед с бабкой радовались – культурная будет!

В какой-то компании познакомилась с моим братцем. Четкая, резкая. Знающая, чего от жизни ждать. Практичная и хозяйственная. И к тому же – красotka, каких мало. Абсолютная экзотика. И Сашка

пропал.

То, что «пропал» мой дорогой братец, – неудивительно. А вот что в него по уши втрескалась Фаридка, меня, честно говоря, удивило. Но это неоспоримый факт. Фаридка смотрела на него влюбленными глазами. Подавала чай на подносе. Да что там чай! Подносила тапки! Видимо, проснулся ген покорности мусульманской жены.

На свадьбу, конечно, приехала Оксана с тихим мужем. Заказала самый дорогой ресторан. Фаридке купила роскошное платье и туфли. На свадьбу дочке подарила норковую шубу и ключи от машины. Заодно и прикупила квартирку. Небольшую, трехкомнатную. Сделала в ней дорогуший и помпезный ремонт.

Сашке говорила: «Ты пиши! Докторскую пиши. Книжки пиши. Программы пиши. Короче, пиши *всё*. Ни о чем не думай. Думать буду я. У нас ведь в семье таких умных не было. Одни крестьяне и торгаши». Зятем она страшно гордилась. Людей умственного труда уважала. К моей маме – с почтением. Ко мне – с искренней лаской. К моему мужу – с пиететом. Считала, что ее дочке крупно повезло. Попала в «такую семью»!

В Ташкенте начала строить дом для молодых. Потом развернулась в столице. Бизнес тогда только начал давать свежие всходы. Организовала канал поставки в Москву сухофруктов. Потом просто фруктов. На всех рынках у нее были свои прилавки. Потом открыла ресторан узбекской кухни. Вкусный и недорогой. Поваров привезла из Узбекистана. Через пару лет стала

очень богатой женщиной.

Любимая дочка исправно рожала обожаемых внуков. Любимый зять делал успешную карьеру в науке. Денег он не зарабатывал. Ну, почти. Да и какие это деньги при тещином размахе!

Но за все годы он не услышал ни слова упрека. Теща его боготворила, считала, что Фаридка вытянула счастливый билет. Муж не пьет и не гуляет. Детишки растут умненькими и толковыми. Бабушка Оля, моя мама, ходит с ними в театры и на выставки. Детки говорят на французском и английском. Играют на фортепьянах, занимаются балльными танцами, воспитаны в почтении к взрослым. Не капризны и не требовательны.

В общем, полная идиллия. Потом Сашка получил в Бельгии грант. Дальше предложили преподавать в местном университете. Оксана приехала в Бельгию. В течение недели прикупила небольшой особнячок в самом элитном районе. Сашка сопротивлялся, но любимая теща сказала, что «такой гений» должен проживать в «человеческих условиях». Точка. Сашка махнул рукой – связываться с Оксаной дело заведомо проигрышное. Пришлось смириться. Короче, Оксана Сашку боготворит.

Это я к чему? К вопросу о злодейках-тещах и еще о мезальянсах.

Едем на дачу. Муж слушает радио. Я дремлю. Обсуждать ничего неохота.

Звонит Данька. Слышно плохо. Он орет, что все прекрасно. Барселона – чудо. Гауди – чудо. Саграда Фамилия – чудо из чудес. Музей футбола – еще чудесней. Рыбный рынок – опять чудо. Океанариум – улет.

По голосу слышу, что сын счастлив. Ну что мне, казалось бы, еще надо?

– А твоя Несмеяна довольна? – вяло интересуюсь я.

Нюся за границей в первый раз.

Данька обижается:

– Мам, ты опять?

Муж усмехается:

– Ревнуешь?

Я возмущаюсь:

– И ты туда же?

Не просто возмущаюсь, а сильно гневаюсь. Потом почему-то хлюпаю носом и говорю, что раньше сын был со мной. И счастлив был тоже рядом со мной. И все впечатления и ощущения были у нас на двоих.

Муж вздыхает и осуждающе качает головой.

Кто может меня понять? Кто поддержит? Ни родная мать, ни родной до боли муж.

Я – одна. И всю оставшуюся дорогу я в голос реву.

На даче я ем и сплю. И еще выпиваю бутылку белого вина. Что мне совсем не свойственно. Муж, слава богу, меня не трогает. Сидит в обнимку с ноутбуком. И от этого счастлива не только я, но, по-моему, и он.

Через три дня я выхожу на работу. Свою работу я не то чтобы люблю, что можно любить в продаже профнастила, но отношусь к ней терпимо. У нас хороший коллектив. Я почти старшая. Старше меня только бухгалтер Ванесса Ионовна. Тетка яркая и колоритная. С ярким и колоритным прошлым в виде трех браков и океана любовников за плечами. Остальные – молодежь. Алена из Южно-Сахалинска. Лидочка из Полтавы и москвичка Саша.

У всех непростые судьбы. Например, Алена. На Сахалине – мама после инфаркта и бабушка после инсульта. Алена их содержит. Замуж она вышла за москвича. Он парень неплохой, но под каблуком у своей мамы. Полностью. Тотально. Сам не работает полтора года. С прежней работы вылетел по сокращению. На следующую устроиться не может – не хочет понижать статус. По-моему, просто классический бездельник. Его мамаша на пенсии. Пенсию с книжки не сняла ни разу. Все живут за счет Алены. Обе семьи висят на ней. В самой Алене сорок килограммов удельного веса. Хронический бронхит и язва двенадцатиперстной кишки. Алена еле таскает ноги. После работы идет на рынок за продуктами. Готовит ужин и моет посуду. Муж при ее возвращении домой активно изучает журнал свободных вакансий. Со скорбным и обиженным лицом. Свекровь, до этого четыре часа непрерывно болтавшая по телефону, лежит – что немудрено – с высоким давлением.

Но к ужину выходят все, и на аппетит проблемы не вли-

яют. Алена перемыкает посуду и бухается в постель. Ночью муж требует любви и ласки. Алена во сне вяло отбивается. Муж вскакивает и устраивает скандал. Алена окончательно просыпается и плачет. Муж отворачивается к стенке и мгновенно засыпает. Во сне он сильно храпит. Это семейное. За стеной не менее громко храпит его дорогая мамаша. Алена засыпает часов в пять. В семь ей вставать.

В девять она вваливается на работу. Под глазами – синяки. Бледная до синевы и с дрожащими руками. Мы с Ванессой ее жалеем. Лидочка тихо вздыхает и молча сочувствует, а Саша гневно осуждает.

Да, кстати, в отпуск Алена едет на Сахалин, к бабушке и маме. А ее свекровь отдыхает в Турции. Говорит, что морской воздух ей необходим для здоровья. Наверное, у нее что-то с памятью. В смысле того, что она позабыла – астматический бронхит у Алены, а у нее обычный малязм, который морской воздух вылечит вряд ли.

Лидочка – сирота. Родители умерли давно. Вернее, погибли в автокатастрофе. Лидочке было одиннадцать лет. Воспитывала ее тетка, сестра отца. Куском хлеба не попрекала, но и ни разу не приласкала. В двадцать лет Лидочка уехала из Полтавы. В Москве намыкалась – будь здоров! И подъезды мыла, и на вокзалах спала. Потом сошлась с армянином Ваганом. Парень он был хороший – нежный и нежадный. Сняли квартиру и прожили почти пять лет. Потом он уехал к родне в Ереван. Через две недели написал, что его женили.

Каялся и просил его пожалеть, писал, что будет любить Лидочку всю оставшуюся жизнь.

Лидочка его очень жалела. И еще раз остро и явственно ощутила, что она одна на всем белом свете и никому не нужна и не интересна. И сама жизнь ей стала не нужна и не интересна.

Лидочка надела старый плащик – новый почему-то стало жалко – и пошла на Большой Каменный мост. Почти перегнулась через перила. И тут ее схватили за полу плаща. Это и был ее будущий муж. Почему-то он решил, что раз Лидочку спас, то обязан на ней жениться. Она не возражала, ей было тогда все равно.

Лидочке сорок два. Муж – москвич, на семь лет моложе. Она его очень ревнует и все время боится, что он не просто гульнет, а свалит насовсем. К молодухе, естественно. У нее для этого есть довольно веские основания. У Лидочки двое детей. Довольно невменяемые пацаны-погодки. С ними сидит Лидочкина свекровь. Золотая женщина. Тихая и неприхотливая. Свекровь растит пацанов, убирает квартиру, готовит еду и ходит в магазин. Еще, соответственно, стирает и гладит. В общем, полностью ведет дом. С Лидочкой отношения самые дружеские. В смысле, мать – дочь. Она жалеет Лидочку, что та много работает и на работу добирается полтора часа. Сына-гуляку осуждает. Говорит, что сильно намучилась с «кобелюкой мужем». Понимает Лидочку как женщину. Явление довольно редкое для свекрови. Утешает, что,

если муж «свинтит», она Лидочку не бросит.

Так что свекровь у Лидочки золотая. Когда мы все дружно начинаем своих свекровей обсуждать, Лидочка молчит, краснеет и не поднимает головы от компьютера. Плохого ей сказать нечего. А о хорошем мы, как правило, не говорим. Одна критика и черный юмор.

Саша. Человек-унисекс. Неформалка тридцати лет, похожа на красивого мальчика. Короткая стрижка, ноль косметики, никакого маникюра и цацек. При отсутствии всего этого – глаз от нее не оторвать. Ездит на мотоцикле, ходит в кожаных штанах и «мартинсах», курит крепчайший «Голуаз».

Из очень приличной семьи искусствоведов. Два раза была замужем. Один раз шесть месяцев, второй – три недели. Считает нас клушами и тетехами. Уважает только Ванессу. Меня милостиво терпит. Алену презирает. Лидочку тоже. Но девушка не злая, хоть и языкатая. Про себя всем сочувствует – это видно. Но в суждениях и осуждениях строга и конкретна.

Сейчас живет с девушкой по имени Матильда. Матильда из отъявленных бездельниц. Не работает, кормилец в семье Сашка. Считается, что Матильда «на хозяйстве». Матильда рыжая и зеленоглазая. Кудрявые волосы до попы. Русалка. Глаз не оторвать. Жаль, если они – Саша и Матильда – не родят по ребеночку от хороших мужичков. Хорошие бы получились детки от таких красавиц-мамаш! Явное подспорье нашему обедневшему генофонду. Может, одумаются?

Ванесса. Наша «бандерша», как называет ее остроумная

Сашка. В молодости Ванесса была красоткой. Поверить в это непросто, но нам были предъявлены вещественные доказательства в виде фотоотчета.

Саша назвала молодую Ванессу «белокурой бестией». Нынешнюю Ванессу Сашка называет «тетя Ванна». Остроумно. Ванесса не обижается и ржет вместе с нами. Сейчас Ванессе к семидесяти. Точнее – не знаем. Вернее, Ванесса не уточняет. Да и какая разница? У Ванессы короткие седые волосы, тяжелые очки на кончике носа и прокуренные зубы. Ни красить волосы, ни пользоваться косметикой, ни отбелить зубы Ванесса не желает. Говорит, что отпелась и отплясалась. Благодарит Бога, что мужики ее больше не волнуют. Отволновалась. Хорош!

– С членами и трехчленами я давно разобралась, – остроумно заявляет освобожденная Ванесса.

Но это не совсем так. У Ванессы есть сердечный друг. Пожилой и вполне симпатичный вдовец Геннадий Семенович. Бывший адвокат. Ванесса объясняет, что он был влюблен в нее всю жизнь. Пережил всех ее мужей и любовников. Они с Ванессой ходят в театры и на выставки. Попивают в кофейнях кофе и ездят на экскурсии – Таллин, Рига, Варшава, Прага. В общем, живут полной жизнью. Когда Сашка называет Геннадия Семеновича «полюбовником», Ванесса говорит, что Сашка ему сильно польстила и что это большой комплимент.

У Ванессы было три официальных мужа и куча любовни-

ков. Со всеми ныне живущими она в замечательных отношениях. Со всеми дружит. Все ей помогают – кто чем может. И она помогает всем. Ездит по больницам, договаривается с врачами, достает дефицитные лекарства и возит в судочках домашнюю еду. А к тем, кто уже упокоился и лежит на кладбище, Ванесса ездит регулярно – прибирается на могилах и кладет свежие цветы. В том числе и бывшим свекровям. Ванесса со всеми дружила. Даже после разводов. Говорит, что они были «прэlestные» женщины. Все? Не знаю. Мне кажется, что дело в самой Ванессе. Несмотря на острый язык, она видит в людях только положительное.

Да, у Ванессы есть дочь. От второго брака. Дочь Лариса проживает в Италии вместе с итальянским мужем и тремя детьми. У нее колбасная лавка и прекрасный дом в Остии.

Ванесса была у нее всего два раза. Про дочь она говорить не любит. Объясняет, что близости и взаимопонимания у них нет. Как это странно! Любить Ванессу и восхищаться ею совершенно несложно! Но, как говорится, в своем отечестве пророка нет...

Алена опять плакала. Это видно по ее распухшему носу и красным глазам. Опять довели бедного ребенка!

Сашка гневается, и я с ней вполне согласна. Она убеждает Алену уйти из этой семейки и снять квартиру. Того, что она тратит на содержание двух бездельников – мужа и свекрови, – вполне хватит на однокомнатную квартирку в Балашихе или в Люберцах. Конечно, Саша права. Она кричит

Алене, что та – рабыня Изаура и что ездить на ней будут все и пожизненно, если она не пересмотрит свою жизнь.

Алена плачет и говорит, что они ее прописали. Значит, она им должна. И свой оброк еще не выплатила.

Сашка обзывает бедную Алену дурой убогой и уходит курить. Мы молчим. Переживаем. Я понимаю, что Алена должна дойти до всего сама. Когда подойдет время. Когда закончатся силы и терпение. Такой у нее характер, что поделаешь! К тому же в Москве она одна, как перст. Даже подружек потеряла из-за этих домашних тиранов.

Я наливаю ей кофе, а Лидочка кладет на ее стол шоколадку.

В коридоре Сашка орет на Матильду и требует поджарить на ужин «хотя бы кусок мяса». Потому что «эти суши и пиццы ей осточертели». Правда, она употребляет другое слово, и нельзя не согласиться, что более веское.

Мы присутствуем при обычном семейном скандале. Лидочка краснеет и опускает голову. Мы с Ванессой вздыхаем и переглядываемся. Интересно, кто у них муж, а кто – жена?

Сашка врывается в комнату, оглядывает всех присутствующих и берется за меня.

– Ну? – с вызовом говорит она. – Никаких впечатлений? Совсем ничем поделиться?

Она, конечно, права. Я женила единственного сына и молчу как рыба. Некрасиво!

Яжимаю плечами.

– Все стандартно, – говорю я. – Ничего примечательного.

Сашку эта скудная информация явно не устраивает. Она требует подробностей. Я достаю фотографии. Сашка хватается пачку. Все терпеливо ждут. Она, бегло просмотрев все, бросает их на стол.

– Ясно! – объявляет наш главный и беспощадный эксперт. – Девка никуда не годная. Мышь дохлая. Но это она с виду такая овца, – констатирует Сашка. – Всех вас построит, не сомневайтесь! Все будете на цирлах ходить. Проживать-то, разумеется, с вами будут? Сыночку-кровиночку от себя не оторвете?

Стерва. Вот так по больному!

– А твое какое дело? – вступает за меня терпимица Алена, тоже сегодня обиженная Сашкой.

– В своем доме разберись! – подхватывает Ванесса.

– А то будешь пиццу жрать до конца жизни!

Сашка краснеет – явление редкое. Лидочка подхватывает какие-то папки и выскакивает за дверь. С Сашкой она не связывается. Силы слишком неравны.

– Да ладно, Лен! – миролюбиво сдает назад Сашка. – Ясное дело – дала хорошо! Больше ей взять нечем. А это дело Даньке быстро надоест. Плавали, знаем. Так что разбегутся, не сомневайтесь. Максимум через год, – заключает она.

– А может, она хороший человек? – пускается в рассуждения Ванесса. – Добрая, может? – растерянно продолжает она свои невнятные предположения.

Похоже, что и Ванесса сомневается, разглядывая свадебные фотографии.

– Ну, или там образованная. Начитанная. Может, хозяйка хорошая? – Ванесса хватается за любую версию, лишь бы меня утешить.

– Ха! – усмехается Сашка. – Какая она добрая и хорошая, у нее на морде написано. И интеллектом лицо не обезображено. И видно, что капризная и избалованная. Короче, полный попадос! – беспощадно заключает она.

От этой невыносимой правды я начинаю хлюпать носом. Ванесса пугается и капает в рюмочку валокордин. Теперь уже Алена заваривает мне кофе. Входит Лидочка и, видя всю эту картину, тоже начинает вытирать подмокшие глаза. За компанию или вспомнив о чем-то невеселом своем.

– Довольна? – Алена кидает на Сашку гневный взгляд. Сашка пожимает плечами.

– А что тут такого? У вас, Лена, тоже был ранний и неудачный брак. Разве вы о нем вспоминаете? Неужели это для вас осталось душевной травмой на всю жизнь? Неужели повлияло на дальнейшую судьбу? И вообще, хватит реветь и страдать. Пошли покурим, а потом закажем суши. Вы же любите суши, Лена?

– А тебе – пиццу! – неожиданно для всех и, кажется, для самой себя, вставляет Лидочка.

И мы дружно начинаем ржать. Все вместе. Включая, разумеется, Сашку.

А вообще, как говорится, в каждом доме по кому. Во всех шкафах гремят костями свои собственные скелеты.

* * *

В первый раз я вышла замуж в восемнадцать лет. Можно подумать, мне было плохо дома! Бедные мои родители! Как они это пережили! Сколько потеряли на этом, заранее проигрышном деле здоровья!

Сашка права! И я еще смею судить своего сына! Ханжа и тупица! Куда ему тягаться с моим вариантом!

Короче, в шоке были все. Свадебка была не веселее поминок. Но по порядку.

Моего первого мужа звали Терентий. Маман у него была шибко оригинальная. Но все его звали Тарзан. Потому что он был красив, как Тарзан. И, наверное, так же глуп.

Волосы у Терентия были до плеч. Рост под два метра. Фигура античного бога. Глаза серые и брови вразлет. Ямочка на квадратном подбородке. Просто Жан Марс с Аленом Делоном. Плюс брутальность Бельмондо. Внешняя, надо заметить. А по жизни Терентий был полный мозгляк и бездельник. Ничего, кроме пива и дружков, его не интересовало. Работал он сторожем в районном клубе. Два через два. Два дня спал в каморке в клубе, два следующих пил пиво с креветками в компании маргинальных дружков. Но под свою беззаботную жизнь подвел социальную платформу – пахать на

это государство он не собирался. Получать образование тоже. Пыхтеть пять лет в вузе, чтобы потом просиживать в конторе инженером за сто двадцать рублей? Увольте!

Мне он казался почти героем и диссидентом. Идти против правил и обывателей! Не считаться с законами общества! Не вступать в комсомол!

Не стараться заработать и считать деньги презренным металлом. Не стремиться обзавестись стенкой, ковром и телевизором! Не мечтать, как всякий мужчина, стать владельцем вожаделенных «Жигулей»!

Но, конечно, он не был никаким диссидентом и борцом с режимом. Не слушал «вражьи» голоса и не читал запрещенных книг. Не любил запретную музыку – ту, что слушала тогда вся молодежь. Потому, что ему все было по барабану. Его просто ничего не интересовало. Он был обычным – нет, он был запредельным и тотальным бездельником. А я, наивная дура, пыталась увидеть в нем героя и неформала. Правда, справедливости ради надо сказать, что я поняла свое заблуждение довольно быстро, месяцев через восемь. Но до этого надо было сыграть пышную свадьбу в ресторане и прожить эти восемь месяцев с Терентием в одной квартире.

Да! У него была своя отдельная квартира! Редкость по тем временам абсолютная!

Отселила сыночка его умная маман, сообразив, что, если она проживет с ним еще пару лет, вряд ли у нее останутся силы на эту прекрасную жизнь. А жизнь она очень любила и

всяческие ее блага и удовольствия ценила еще как! В отличие от своего неразумного сына.

Звали ее Стелла Рудольфовна. Женщиной она была уникальной. Красавицей – сто процентов. С необыкновенно стройной фигурой и длинными ногами. Носила она короткие юбки, пальто в пол и фетровые шляпы с большими полями. Волосы, распущенные по плечам. Косметики минимум – и так хороша, а сильный макияж не молодит.

Работала она дома, писала какие-то статьи в журналы мод. Называла себя консультантом. В молодости работала искусствоведом в Доме моделей на Кузнецком. У нее имелся муж, отец Терентия. Внешне совершенно заурядный дядька с пухом и лысиной. Он работал в Торговой палате и довольно часто выезжал за рубеж. Ее свободе он никогда не препятствовал и в средствах не ограничивал. Так же, впрочем, как и своего безалаберного сыночка. По-моему, папашка просто жил своей жизнью и не хотел с этой парочкой связываться.

Итак, Терентию купили однокомнатный кооператив. Сделали скромный ремонт и завезли все необходимое. Отмазали от армии. Короче, сбыли с рук. Живи как хочешь. И он и жил. Знал, что голодать никогда не придется. Конечно, никакая женитьба в его планы не входила. На фига ему это было нужно?

Но тут подросла я. Со своей безумной влюбленностью и маньячным желанием стать его законной женой. Надо сказать, отбивался он, как мог. Всеми силами. Но что сравнится

с силой любви? Моей, разумеется. Так как он, я думаю, на сильную страсть, а уж тем более чувства, был явно не способен.

А я мечтала свить гнездо. Навести чистоту в его квартире и повесить занавески в цветочек. Поставить на подоконник горшок с фиалками. На полочку в ванной – духи и дезодорант. В туалет освежитель воздуха «Лимонный». На плиту кастрюлю с борщом и сковородку с котлетами.

В общем, наехать, точнее въехать, в квартиру Терентия по полной.

И мне это удалось. Правда, с титаническими усилиями. Но, будучи человеком слабовольным и бесхарактерным, Терентий в итоге сдался.

Нет, я человек не корыстный, не приведи бог! Конечно, я не стремилась завладеть его площадью. Тем более туда прописываться я не собиралась. Просто было очень заманчиво начать свою семейную жизнь отдельно, без родителей. И к тому же я была безумно и бездумно влюблена. О какой корысти может идти речь?

Мои родители страдали. Пытались открыть мне глаза. Объяснить, куда и как меня заносит. Я была глуха и слепа. И до прозрения оставался почти год.

Свадьбу со всеми сопутствующими пирогами – белым платьем, туфлями на шпильке и рестораном – я не очень хотела. Но Терентий пожелал – есть повод побухать с корешками. Папа пил лекарства и держался за сердце. Мама – как

почти любая женщина – стойко переносила очередной удар судьбы. Однажды я слышала, как она говорила с подругой по телефону.

– Черт с ней, с этой идиоткой, – горестно и безнадежно сказала мама. – Больше нет сил бороться. Пусть будет, как будет.

А я ликовала! Я победила в борьбе за свое счастье!

Напоминаю, свадьба была похожа на поминки. Мои родители и родня сидели со скорбными лицами. Веселились только маргинальные дружки жениха. Еще бы – столько хлявной жратвы и выпивки!

Конечно, в течение двух часов все смертельно упились. «Молодой» не давал себя обогнать.

Мамина сестра с мужем покинули торжество по-английски. У мужа моей тетки недавно был инфаркт. Тетка боялась рецидива.

Мамина подруга, тетя Женя, большая любительница мужского пола, посмотрев на Тарзана, вздохнула и сказала:

– Понять Ленку можно. Красив, как Аполлон. Какое богатство фактуры! А какие получатся дети!

В это мгновение она стала маминым кровным врагом. Мама бросила на нее испепеляющий взгляд и змеиным шепотом прошипела:

– Чтоб у тебя язык отсох! Никаких детей!

Мама, как я говорила, человек жесткий. На поводу ни у кого не ходила. Ну, если только у меня. И то всего лишь пару

раз в жизни.

Моя свекровь явилась к середине вакханалии. Видимо, не торопилась. Понимала, что ее ждет.

А вот меня – точно не понимала. И смотрела на меня с тихим ужасом и жалостью. Как на убогую, умственно неполноценную девочку. Искренне недоумевала – и зачем мне все это нужно?

Она кивнула моим родителям, вручила мне флакон французских духов и присела на краешек стула. Пригубила рюмку коньяка и закусила долькой мандарина. Она вообще была равнодушна к еде. Как средство радости и удовольствия она ей была непонятна. У этой женщины не бывало чувства голода – такое вот свойство организма. Отсюда и такая фигура. Одна морковка в день, одно яблоко. Один стакан кефира.

Моя мама, однажды и единожды пригласив ее в гости, смертельно обиделась. Сколько было куплено и наготовлено! Сколько времени и трудов потрачено! А Стелла Рудольфова съела кусочек семги и половинку свежего огурца.

Мама не просто обиделась, она горько плакала. Мыла посуду и вытирала слезы обиды. И никакие объяснения не принимались!

Как свекровь Стелла была восхитительна. Не звонила чаще одного раза в неделю и в гости не напрашивалась. Наличие пыли на мебели белым платком не проверяла.

Мне она потом даже симпатизировала. Видела, как в чисто стало в квартире, с неподдельным удивлением наблюда-

ла, как я наливаю ее сыночку полную тарелку густого, горячего борща.

И все же она продолжала смотреть на меня с жалостью и явным непониманием. Тяжело вздыхала и дарила мне разные симпатичные вещицы – тряпки и украшения. Наверное, так она проявляла свою ко мне симпатию.

Утром, нажарив сковородку сырников или оладий, я убежала в институт.

Мой Тарзан сладко похрюкивал и причмокивал, вытягивая в трубочку губы.

Вечером я заставляла на кухне человек пять или шесть Тарзаньих корешков, до самых бровей накаченных пивом «Жигули». На столе и под столом валялись рыбы останки. Возняли пустые консервные банки из-под бычков в томате. Половник сиротливо болтался в пустой кастрюле из-под борща. Сковородка из-под котлет была девственно-чиста и вымазана до блеска, видимо хлебной горбушкой.

Тарзан радостно и недоуменно вскрикивал:

– О, моя пришла!

Каждый раз искренне этому удивляясь. Он предлагал мне составить компанию и поговорить «за жизнь».

Я уходила плакать в комнату.

Тарзаньи друзья поначалу тушевались и предлагали хозяйину меня успокоить. Тарзан гордо отвечал:

– Ничего, пусть привыкает!

Я понимала, что еще немного, и я умру. Меня просто не

будет. Конечно, я уже осознала, во что влипла. В полной мере осознала.

От своих родителей я все это скрывала, как могла. Потому что было очень стыдно. Пыталась разговаривать по телефону бодрым голосом. Но материнское сердце не обманешь.

Они – мама и отец – приехали в Тарзанью квартиру в мое отсутствие. Веселье шло по полной. Друзки плюс две девицы-малярши, делающие в подъезде ремонт и, естественно, приглашенные к столу радушным хозяином.

Мои родители, не говоря ни слова, начали собирать мои вещи. В бой Тарзан не вступил. То ли понимал, что с тещей в гневе он определенно не справится, то ли просто не возражал, что я исчезну из его жизни. Вероятно, я его все-таки здорово напрягала.

Родители взяли чемодан и молча выкатились из квартиры. Ждали меня в машине у подъезда. Я шла от метро, опустив голову и еле перебирая ногами. В руках волокла тяжеленные сумки.

Папа мне гуднул. Я увидела родителей. Сумки выпали из моих рук, и я начала реветь – громко, в голос, с подвываниями. Они усадили меня в машину, мы молча доехали до дома. Мама раздела меня и повела в ванную. Я стояла под душем, и она, как в детстве, терла меня мочалкой и мыла мне волосы. Потом меня уложили в постель. В мою постель! В моей комнате! Папа принес чай с ватрушками. Он сидел на краю кровати, отламывал по кусочку от сладкой ватрушки и

осторожно клал мне в рот. Я пила чай, жевала ватрушку, и слезы текли по моему лицу. Без остановки. Потом я уснула.

Проснулась почти через сутки – абсолютно бодрая и здоровая. Физически и душевно. Мне стало казаться, что все, что со мной произошло, мне просто приснилось. Кошмарный и душный сон.

В общем, из этой истории я выскочила с минимальными потерями. Слава богу, я не успела забеременеть и родить. В загс на развод отправилась моя мама. Тарзан пришел с друзьями и бутылкой пива в руках. Они сидели, развалиясь, тянули пиво и громко ржали. Развели нас без проблем. Когда мама вышла из здания загса, к ней подошел какой-то пожилой мужчина и предложил свою помощь – мама была бордового цвета. Давление, наверное, было под двести.

Больше Тарзана я не видела. Да и вообще о нем не вспоминала. Однажды, лет через пятнадцать, на Калининском я встретила свою бывшую свекровь – узнала ее со спины. Сразу. Та же стройная фигура, волосы по плечам, шляпка на голове. Я прибавила шагу и поравнялась с ней. Она шла медленно, с достоинством, подняв подбородок. Я жадно разглядывала ее профиль. Мне показалось, что она совсем не изменилась. Впрочем, на улице были сумерки, и у меня не очень хорошее зрение. Она повернула голову и мазнула по мне взглядом. Долю секунды. Конечно, не узнала. Видимо, я в отличие от нее все-таки здорово изменилась.

Про Терентия-Тарзана я узнала случайно, встретив его со-

седку по лестничной клетке. Тоже прошло лет десять. Она рассказала, что Тарзан женился на голландке. Немолодой и мужеподобной. Она вцепилась в него клещами, а он, как всегда, не мог сопротивляться. Да и надо ли было? Голландка увезла его в Голландию. Жили они в большом собственном доме. У голландки были большие деньги, много недвижимости и даже своя яхта. Тарзана она обожала. Отказа он не видел ни в чем. Бедная тетка ревновала его ко всем подряд. Даже к своим дочерям. Отказала им от дома. Тарзан налево не особенно и рвался, ценил то, что имел, да и был он не из гуляк. От отсутствия любви не страдал, вряд ли он понимал, что это такое.

В общем, Тарзан удачно продал свою богатую фактуру.

Думаю, что и Стелла Рудольфовна не ожидала от него такой прыти и не верила в такой счастливый конец. Сыночка ее на этот раз не огорчил.

Плохого я о ней вспомнить не могу. Сказать – тоже. Да и про него вспоминаю со смехом. Если вообще вспоминаю.

О том, сколько потеряли здоровья мои родители, стараюсь не думать.

Но вот что странно и даже необъяснимо: в кого мой сын уродился таким красавцем? Мы с мужем совершенно обычные люди. Без ярких внешних признаков. А вот с мозгами у сыночка... Дураком ему быть не в кого. Но все-таки странно, да?

С Тарзаном я развелась за четыре года до рождения сына.

Это я так, к слову.

Как говорит моя подруга Танечка, нужно почаще вспоминать себя в молодости. И тогда поступки наших детей не покажутся нам такими ужасными, а поведение – безрассудным.

Надо прислушиваться к умным людям! В этом и заключается зрелость ума. Так-то, Леночка!

Это я о себе.

* * *

Я вытираю слезы. Алена припудривается. Лидочка всхлипывает совсем тихо. Через полчаса привозят суши. Лидочка, в отличие от нас, разогревает в печке котлетки с пюре. Суши она не ест. Ванесса пытается освоить палочки. На предложение Алены есть суши вилкой обижается. Говорит, что палочки все равно освоит. Сашка ее поддерживает.

Потом я бегу в кулинарию и покупаю роскошный торт и бутылку итальянского шампанского. Ванесса достает из шкафчика бутылку коньяка. У нее всегда есть запасы. На все случаи жизни. Мы выпиваем и шампанское, и коньяк. Ужас! Пьянство на работе! Так я вообще сопьюсь. Столько, сколько я выпила за последнюю неделю, я не выпила за всю жизнь.

В кабинет заглядывает начальник. Мы зовем его Проша – производное от фамилии Прохоров. Ему двадцать восемь лет, и мы его совершенно не боимся. Он смотрит на нас ошалелыми глазами. Такой наглости от нас не ожидал.

– Ленка сына замуж отдала! – кричит пьяная Сашка. Так. Приехали. Я уже «Ленка» и мой сын «вышел замуж». Мы взрываемся от хохота. Громче всех заливается юная душой Ванесса.

Лидочка громко икает и поправляет Сашку:

– В смысле – женила!

Проша осуждающе качает головой и произносит:

– Ну, вы совсем обнаглели! – Выходит за дверь. Потом просовывает голову и с угрозой напоминает: – На дворе, между прочим, финансовый кризис. Рабочих мест на всех не хватает!

И это почему-то нас опять очень веселит.

Данька не звонит. Пишет эсэмэски. Какие-то вяловатые. Восторги закончились, кажется. А может, просто поцапались?

Я звоню ему сама. Он говорит шепотом. Я плохо его слышу и все время переспрашиваю. По уличному шуму догадываюсь, что он вышел на балкон и голос его немного окреп.

Оказывается, у Нюси месячные. Болят живот и голова. На море она, понятное дело, не ходит. Лежит в номере. Еду ей приносит Данька. Тоже в номер.

– Почему? – не понимаю я. – Ей так плохо, что она не может спуститься в ресторан?

Данька тоже не ходит на пляж. Чтобы не оставлять Нюсю одну в номере. Я возмущаюсь:

– Почему? Сходи хотя бы на час, искупайся!

Он говорит, что Нюся обижается. Я расстраиваюсь и кладу трубку, чтобы не наговорить ничего лишнего. Или то, что я хочу сказать, вовсе не лишнее?

Нет, наверное, все не так. У них пока все пополам. Даже месячные. Все трудности. Так сказать, вместе. Рука об руку. И это правильно. Кто же поддержит маленькую и слабенькую хворающую жену, как не муж?

Но я не понимаю, *хоть убейте!* Почему при этой «хворобе» нельзя спуститься в ресторан на первый этаж? Почему не отправить любимого на море? Хотя бы на час или два? Чтобы он смог поплавать и позагорать? Чтобы ему было хорошо?

Разве если любишь, не хочешь, чтобы любимому было хорошо?

Засунуть в задницу свои капризы и недомогания? Ведь никто, слава богу, не болен. Обычные бабские ежемесячные дела.

Или я не права? А Нюся – умная и дальновидная женщина? Не то что я – вечно скрываю от всех свои болячки, а потом обижаюсь, что меня никто не жалеет?

Да. Я не права. Потому что я – злобная и противная свекровь. Обычная склочная тетка.

Бедный мой сынок!

На старой работе у меня была приятельница Нинка. Выросла она в поселке под Москвой. В большой и трудовой семье, где никто не пил, и все пахали

– мать, отец, сестры и брат. У них было большое хозяйство – корова, овцы, свиньи, гуси, куры и индюки. Огромный огород. Теплицы с огурцами, помидорами и баклажанами. Кусты смородины и крыжовника. Трудились целыми днями. В поселке их презирали и не любили, еще бы! Они явно выделялись из общей пьющей, ленивой и завистливой массы.

Еще они делали творог, сметану и масло. Неопикуемой вкусноты! Куры несли яйца размером в ладонь, с ярко-оранжевыми желтками! Желе из их черной смородины вкуснее любого французского десерта! Соленые огурцы и маринованные помидоры с патиссонами! Грузди и маслята, засоленные в деревянной бочке! Рассыпчатая синеглазка, белая как первый снег! Нигде и никогда мы не ели вкуснее картошки!

Конечно, они все это продавали. Нинка привозила в понедельник на работу неподъемные сумки. Всем желающим не хватало. Попастъ в Нинкины клиенты было большой удачей. Мы расхватывали пакетики с творогом и банки со сметаной. Ругались из-за коробочек с яйцами. Кормили своих отпрысков эко-продуктами и радовались этому несказанно.

Замуж Нинка вышла за москвича. Муж ее был человек спокойный и невредный, чего не скажешь про свекровь – вдову начальника строительного треста, даму зажиточную и избалованную. Больше всего она любила рассуждать о любви к внукам, коих было двое – Гриша и Надя. Погодки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.